

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

ВОЛКОВ

АПРАКСИН ДВОР

Волков

Валерий Пылаев

Волков. Апраксин двор

«Автор»

2023

Пылаев В.

Волков. Апраксин двор / В. Пылаев — «Автор»,
2023 — (Волков)

Герой, воитель, спаситель, защитник обездоленных, рыцарь без страха и упрёка?.. Ничего подобного. Колдун, чернокнижник, оборотень – вот как меня называли. Чего уж тут скажешь – репутацию я и правда заработал весьма своеобразную. Даже среди себе подобных. Но как не помочь старым коллегам – особенно когда весь мир катится под откос? Если бы я тогда знал, чем все это закончится! Крохотная ошибка в ритуале – и вот я уже в чужом мире. На дворе 1909 год, миром правят наделенные Талантом аристократы, а из Прорывов прямо на улицы Петербурга лезет всякая нечисть. Ни друзей, ни знакомых, ни денег, ни титула – только непривычное тощее тело, фуражка гимназиста и жалкие остатки прежних способностей. Впрочем – какая разница? Работа есть работа.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Пылаев

Волков. Апраксин двор

Глава 1

– Владимир Петрович... Милости просим, милости просим! – Рослая фигура в ливрее распахнула передо мной дверь. – Давно уже ждем вас... Сейчас человеку скажу – мигом борщца подаст. Или, может, водочки изволите?

Швейцара будто подменили – хотя, конечно, у входа дежурил тот же самый, что пару дней назад пытался прогнать меня подзатыльником. Уж не знаю, какие именно инструкции выдал местному персоналу Кудеяров, но на этот раз все вели себя так, будто в «Медвежий угол» пожаловал кто-то из старших чинов – а то и сам градоначальник.

– Не время сейчас водку пьянствовать, любезный. – Я поднялся по ступенькам. – Я к хозяевам по делу.

– Тогда это вам наверх, Владимир Петрович. Фома Ильич там уже, с самого утра – весь в работе. – Швейцар в очередной раз скрючился, неуклюже изображая учтивость. – Проходите, будьте любезны... А ежели чего нужно – только свистните, вмиг принесем!

Подобострастие уже понемногу начинало утомлять – и внутри ресторации его не стало меньше. Нет, официанты не бросились ко мне с подносами наперевес, да и девицы из варьете вели себя скорее сдержанно, однако улыбок, поклонов и приветствий по имени-отчеству я успел собрать столько, что по лестнице поднимался уже с искренним облегчением. На втором этаже меня встречали тоже весьма учтиво, но хотя бы без всего... вот этого.

– Владимир! Проходи, проходи, располагайся. – Кудеяров поманил меня в руку. – Только дверку прикрой, уж будь любезен... Денежки чужих глаз не любят.

Да, чего-чего, а этих самых денежек в уже знакомом мне зале для карточных игр хватало с избытком: чуть ли не весь стол покрывали купюры. В основном мелкие – зеленые, красные, синие и розовые, двадцатипятирублевые. Зато их было столько, что пачки приходилось укладывать рядами. И накопилось их уже десятка полтора-два, а кучу смятых бумажек вокруг пепельницы, похоже, еще даже не начали разгребать.

Интересно, откуда? Я догадывался, что налет на воровской притон может подразумевать и вполне материальную выгоду, но масштабы успеха, похоже, недооценил. И пока я ковырялся с Прошкой и носился с ведром, задорно поливая керосином искалеченное нутро «Каторги», кто-то из Кудеяровых озаботился... скажем так, более насущными вопросами.

– Изрядно, изрядно. – Я щелкнул ручкой на двери и неторопливо прошел вглубь помещения. – Я не вовремя?

– Ну как же, Владимир? Ты-то как раз вовремя. – Кудеяров указал на денежные развалы. – Как раз поможешь сосчитать.

– Откуда ж такие богатства? – поинтересовался я. – И что – все ваше?

– Нет, Владимир, – это все *наше*. Не ввали, значит: Прошка у себя целый воровской общак держал. И вам с твоими гимназистами тут четверть положена... Да не морщись ты! Сказано же: что с бою взято – то свято. – Кудеяров хитро ухмыльнулся. – Или опять отказываться будешь?

После того, как лично, своими руками, зарезал верховного урку всего Апраксина двора?

– Да я-то не буду, с чего бы. – Я пожал плечами. – А вы, Фома Ильич, – вот так и отдадите, за здорово живешь?

– Ну... Я, может, и пожадничал бы, да брат настоял. Говорит – если Володьку обидишь, так если не он – тогда я тебе по лбу дам. – Кудеяров с деланным испугом чуть втянул голову в плечи. – А у него кулачищи – сам видел...

– Ну а как иначе-то, Фома?!

За шелестом купюр я не услышал, как открылась дверь, – зато раздавшийся на весь зал медвежий рев не услышать было сложно. Старший из братьев Кудеяровых радостно продемонстрировал два ряда крепких желтоватых зубов, хлопнул меня по плечу так, что я едва не улетел на стол, и, прихрамывая, направился к дивану.

– Как иначе? – повторил он, усаживаясь и вытягивая ноги. – Вот ты когда с артелью на охоту идешь соболя или куницу бить – шкуры все себе забираешь? Или делишь по совести?

– Все, уболтал, уболтал! – Кудеяров рассмеялся и бросил на край стола очередную пачку. – Только у нас тут, Федор, не шкуры и не золото, а очень даже наличные средства. И надо бы их в нужное место определить, а то как бы чего нехорошего не вышло.

– Это в банк? – догадался я. – А не спросят... ну, откуда взялось? Сумма-то солидная, Фома Ильич.

– В банке, может, и спросят. – Кудеяров поднял с пола здоровенную кожаную сумку и принялся складывать деньги. – А вот уважаемый Соломон Рувимович лишних вопросов задавать не любит. Обстригает все в лучшем виде. А если пожелаешь, Владимир, – то и твои капиталы в дело определит, а вернет с прибылью... Человек надежный, проверенный.

У меня было не так уж много оснований доверять даже самым надежным и проверенным людям, но причин держать у себя дома целую кипу наличности оказалось еще меньше. Желających вогнать мне финку в поясицу наверняка и так в избытке – и я уж точно не собирался пополнять их число любителями шальной наживы.

– Что ж, видимо, придется нанести визит уважаемому Соломону Рувимовичу, – вздохнул я.

– Заодно будет и повод познакомиться получше. С такими... скажем так, талантами, Владимир, ты в Петербурге не потеряешься. – Кудеяров застегнул сумку и протянул мне. – Самое время обзавестись нужными связями. Составишь Федору компанию?

Конечно, я не слишком-то верил в добродушие или тем более кристальную честность купца первой гильдии. Его брат, пожалуй, и правда мог замолвить за меня словечко, да и вообще казался слишком уж простым и прямолинейным для интриги или обмана. Но сам Кудеяров определенно преследовал свои цели – даже если и успел взаправду проникнуться ко мне чем-то вроде дружеских чувств или хотя бы какого-никакого уважения.

И я уже давно догадывался, в чем дело: сильный Владеющий – неплохой союзник для войны с любым противником, но пригодится не только метко стрелять и орудовать крепкими кулаками или финкой. Теперь, когда Прошка стал достоянием истории, передо мной открывались весьма занятные перспективы. Молодость, положение потомственного дворянина, хоть и без титула, какое-никакое образование, характер и незаурядный Талант уже имелись – а капитал мог проложить мне короткую дорогу в самый высший свет столичного общества.

А заодно проложить ее и тем, кто так или иначе поучаствует в судьбе юного, амбициозного, но фактически нищего Владимира Волкова, прежде чем он получит... Да что угодно – чин, орден, положение при дворе, выгодную партию для брака. Или, если особенно повезет, бонус посolidнее. Из тех неосозаемых благ, которые крайне редко покидают касту аристократов и достаются кому-то извне.

Даже если у этого самого кого-то денег больше, чем у некоторых родовитых князей.

В суетливом и прагматичном двадцать первом столетии это назовут «инвестициями». И мне уж точно не стоило возражать против бодрящего пинка вверх по социальной лестнице. В конце концов, я никогда не был ярым адептом ни аскетизма, ни уж тем более нищеты – хоть и прекрасно уживался с обоими.

Смушала только цена. Которую, как известно, рано или поздно приходится платить – за все.

– Почему бы и нет? – Я подхватил сумку с наличными. – Нужные связи мне пригодятся.

– Вот и славно, – кивнул Кудеяров. – А я, пожалуй, наведаюсь в гости к его благородию участковому приставу. Вряд ли кому-то в полиции так уж хочется расследовать несчастье, что случилось с бедным Прохором Михайловичем, но уж точно не помешает... убедиться лично.

Что в переводе с эзопова языка на русский, судя по всему, означает «дать взятку».

– Что ж, в таком случае – доброго дня. – Я пожал протянутую руку и развернулся к двери. – Вы дорогу-то знаете, Федор Ильич?

– Знаю... И хватит уже меня по имени-отчеству величать! А то заладил – Федор Ильич, Федор Ильич... Не привык я к такому. – Старший Кудеяров недовольно нахмурился. – Мы люди простые, из Сибири, к этому вашу политесу не приученные.

– По имени-отчеству, значит, не положено? – усмехнулся я. – А как тогда?

– Да хоть груздем назови, только в корзинку не суй... Не знаю, Володька. – Кудеяров чуть подвинул меня плечом и первым принялся спускаться по лестнице. – Давай дедом Федором буду – ты мне по возрасту как раз во внуки и сгодишься.

– А свои-то внуки есть? – зачем-то спросил я. – Родные?

– Нету. Ни детей, ни внуков – да и где их взять? – Кудея... то есть дед Федор, развел здоровенными ручищами. – С медведицей в лесу любовь крутить, что ли?

– Так то в тайге, – рассмеялся я. – А то здесь. Тебя бы во фрак нарядить, дед Федор, – первый жених на весь Петербург будешь. Ты у нас господин при деньгах теперь, да еще и сам по себе видный... издалека видный даже.

– Ты, Володька, больно говорливый сегодня!

Новоиспеченный дедушка обернулся, погрозил здоровенным кулаком, но тут же снова заулыбался, ничуть не обидевшись.

– Да ну тебя, – буркнул он, сворачивая к двери. – Чем зубоскалить, лучше скажи – ты машину водить умеешь?

От неожиданности я едва не влетел лбом в дверной косяк. Нет, конечно, я кое-что смыслил в колесной технике. И современной, и той, что была в ходу сотню лет назад... то есть в этом мире – сейчас. И рано или поздно даже планировал обзавестись собственным авто. Вряд ли местные агрегаты так уж сильно отличаются от своих собратьев из моего девятьсот девятого года, но...

– Немного умею, – осторожно отозвался я.

– Вот тогда ты и поедешь. – Дед Федор полез в карман. – А то документы мне выправили по знакомству – а умения-то никакого и нет. Еще задавлю кого – вовек не расхлебам, Володька.

– Так позвал бы шофера. – Я изловчился и кое-как поймал брошенную связку ключей. – Неужто у вас здесь нету?

– Николашка брата к приставу повезет. А кроме него, считай, никого... Фома говорит: в столице солидному господину положено в собственном экипаже ездить. – Дед Федор хитро оскалился. – Вот и полезай, Володька, – ты у нас самый солидный и есть... А я лучше рядышком посижу.

Насчет «солидного» я бы, пожалуй, поспорил – и в моем мире, и в этом вождение представительских автомобилей всегда оставалось делом профессионалов, а те самые господа обычно размещались на просторном заднем «диване». Да и представительностью дед Федор сегодня превосходил меня примерно втрое: за последние пару дней он успел обновить таежный гардероб на городской и выглядел... выглядел бы респектабельно – успевай этот старый медведь еще постричься и привести в порядок бороду.

Затянутое в костюм-тройку могучее тело будто принадлежало кому-то другому, но выше шеи все осталось прежним. Суровый сибирский великан никуда не делся – и, похоже, все еще никак не мог привыкнуть к столице.

– Что, страшно? – усмехнулся я, открывая дверцу.

– Есть немного. – Дед Федор поморщился и как будто даже чуть втянул голову в здоровенные плечи. – Мне бы лучше пешком пройтись – так оно понятнее как-то, что ли... А тут сидишь – ну прямо как в гробу!

Глава 2

– «Руссо-Балт», «эска», восьмидесятый мотор. – Дед Федор уселся в жалобно скрипнувшее кресло и легонько постучал по торпедо. – Наша, отечественная – не французик какой-нибудь!

Эмблему на руле я узнал, а вот саму машину определенно видел впервые. В моем мире предприятие после революции переключилось на выпуск сначала броневиков, а потом самолетов по немецкой конструкции – и до серьезных высот автомобилестроения по вполне понятным причинам так и не добралось.

Конечно, бричка деда Федора не дотягивала ни до роскошного лимузина Кудеярова, ни до «ракеты» его преподобия капеллана Дельвига – и все же выглядела уж точно посolidнее своей скромной родни из самого начала знакомого мне двадцатого века. Да и агрегат под капотом имела, похоже, приличный – судя по звуку и тому, как машина, груженная гимназистом, таежным великаном и целой сумкой наличных, тронулась с места. Двигатель тянул без суеты и спортивного задора, но и без каких-либо серьезных усилий. Ни надрыва, ни дикого рева, сотрясающего салон, – ничего подобного. Мы просто ехали. По набережной вдоль Екатерининского канала, мимо золотых грифонов на Банковском мосту и дальше, к Невскому. Ничего похожего на запрещающие знаки по сторонам как будто не имелось, так что я внаглую проехал прямо под колоннами Казанского собора и свернул направо – как показал дед Федор.

И уже на проспекте дал машине волю и придавил акселератор, обгоняя трамваи, грузовики, таксомоторы и запряженные лошадьми экипажи. Мотор отзывался недовольным гудением, но слушался, а я понемногу втягивался в процесс. Конечно, и в городе, и уж тем более на бездорожье я бы предпочел свою старенькую карбюраторную «Ниву». Коротенькую, юркую и привычную. Не слишком могучую и быструю, зато способную проползти там, где хваленые заграничные «танки» с пневмоподвеской, адаптивной системой, бортовым компьютером и прочими электронными наворотами завязли бы хорошо если не по самую крышу.

Впрочем, по местным меркам даже «Нива» оказалась бы тем еще чудом техники.

Но и «Руссо-Балт» справлялся неплохо, понемногу набрав сначала пятьдесят километров в час, а потом и все семьдесят.

– Тихо ты, Володька. – Дед Федор вжался в кресло могучей спиной и даже немного сполз вниз. – Угровишь...

– Не должен, – усмехнулся я. – Куда дальше, на площадь?

Меня никогда не тянуло ни на гонки, ни на лихачество, зато стаж в силу возраста имелся запредельный – побольше обычной человеческой жизни. А юное тело определенно добавляло темперамента, и я шпарил по Невскому так, что остальные участники жиденького движения с сердитым визгом клаксонов шарахались от меня во все стороны.

Кроме одного. Темно-синий автомобиль с хромированной решеткой радиатора и круглыми фарами на крыльях следовал за мной если не от самого «Медвежьего угла», то от угла Невского уж точно. И даже не думал отставать – ни когда я прибавил ходу, ни когда принялся шнырять между попутных машин, ни даже когда свернул, миновав площадь. В моем мире к северу от треугольного перекрестка уходил один-единственный Суворовский проспект, но здесь улиц почему-то оказалось целых две. Широкая тянулась прямо, а вторая – чуть поуже – круто загибалась в сторону Александро-Невской лавры.

Туда-то мне и указал дед Федор, всю дорогу исправно работавший штурманом. Он сам толком не водил авто и вряд успел выучить хотя бы центральную часть города, зато путь к конторе уважаемого Соломона Рувимовича, похоже, знал как свои пять пальцев.

– Вот сюда, Володька. Встанешь где-нибудь.

– Ага... – Я еще раз заглянул в единственное мутное зеркальце под крышей салона. – Не нравится мне та машина. От самого Казанского за нами едет – а как я гнал, сами видели.

– Ну, так выйдем да спросим, значит. А если будут плохо себя вести, – дед Федор откинул полу пиджака, – так и у нас аргумент найдется.

Я успел разглядеть куцую рукоять обреза – вероятно, того же самого, что неделю назад изрядно проредил популяцию каторжан в окрестностях Апраксина двора. Суровый таежный вояка наверняка мог уже сто раз обзавестись игрушкой посовременнее, но упрямо таскал архаичный огрызок двустволки, заряженный картечью. Впрочем, на небольших расстояниях эта штукавина творила такое, что даже эффективность самого крупного пистолетного калибра на ее фоне... скажем так, несколько терялась.

В конце концов, человек в машине сзади был всего один, а у меня тоже имелось оружие.

– Выйдем да спросим, – я щелкнул ручкой и толкнул дверцу, – чего ему надобно...

Таинственный гонщик словно только этого и ждал: не успел я выбраться наружу, как он и сам уже был на улице и даже шагнул вперед... И мне вдруг захотелось на всякий случай отступить – а заодно и проверить браунинг под курткой.

Нет, у незнакомца не было никакого оружия – в руках, во всяком случае. Он двигался спокойно и неторопливо, без всякой угрозы, да и габаритов оказался совершенно обыкновенных. Постарше нынешнего меня – лет на пять, вряд ли больше. Повыше, пошире в плечах. Назвать его хрупким язык бы точно не повернулся, но рядом с дедом Федором парень смотрелся... нет, пожалуй, все-таки не смотрелся.

Но менее опасным от этого не стал. От него буквально веяло силой Владеющего. И не той, что я без труда чувствовал в Дельвиге или Вяземской, а какой-то другой. Неровной, дерганой, разве что не вопящей в эфире. Сырой, грубой, рвущейся наружу – но не от избытка, а, скорее, оттого, что хозяин не слишком-то ею управлял. И даже более того – сам становился чуть ли не рабом собственного недоброго Таланта.

На мгновение я почувствовал себя запертым в клетке с крупным хищником. И не обычным животным, которое без необходимости не станет трогать человека. А то ли оголодавшим до потери разума, то ли больным, взбесившимся, способным напасть просто так, от захватившей разум злобы.

Впрочем, все это пряталось так глубоко внутри, что любой другой на моем месте вряд ли заметил бы хоть что-то: внешне господин из темно-синего авто выглядел более чем респектабельно. Тонкое весеннее пальто, дорогой костюм, породистое лицо, аккуратная рыжеватая борода – такой человек вполне мог оказаться и серьезным дельцом, и чиновником.

И даже наследником какого-нибудь древнего рода.

– Доброго дня. – Незнакомец изобразил что-то отдаленно похожее на поклон. – Волков, Владимир Петрович, верно?

– И он тоже. – Дед Федор хлопнул дверцей и встал со мной рядом. – Вам чего надобно?

– Ходят слухи, что вы... скажем так, взяли то, что вам не принадлежит. И я считаю своим долгом предупредить, что подобное ни в коем случае не...

– Угрожать изволите, сударь?

Великосветский этикет, который старательно пытался изобразить незнакомец, требовал, пожалуй, иного ответа, но дед Федор – впрочем, как и всегда – не полез за словом в карман. Да еще и подкрепил его весьма недвусмысленным жестом: вложил здоровенный кулачище в левую ладонь и хрустнул костяшками так, что слышно было на той стороне улицы.

– Отошел бы ты в сторонку, любезный, – усмехнулся незнакомец. – Много чести – тебе угрожать. У меня с его благородием Владимиром Петровичем беседа, а с лапотниками разговоры вести незачем.

Я бы не удивился, вздумай дед Федор тут же схватиться за обрез. Или шагнуть вперед и одним ударом вбить зарвавшегося пижона в асфальт по самую шею. Но, на наше счастье,

великан уже успел сообразить, что не все проблемы можно решить пудовыми кулаками – и особенно в столице. С его стороны раздалось сердитое сопение... и все.

Впрочем, оставлять такие слова без ответа уж точно не стоило.

– С лапотником? – Я нахмурился и чуть подался вперед. – А вы, вероятно, считаете себя человеком благородным, ведь так? А сами даже не потрудились назвать собственное имя.

Глаза незнакомца сверкнули от гнева. И не только в переносном смысле, но еще и в самом что ни на есть прямом. Дикий Талант рвался наружу, явно желая расколоть благообразную оболочку и выпустить что-то или кого-то весьма неприятного.

– Мое имя – Михаил Тимофеевич Грозин, – буркнул незнакомец. И с нажимом уточнил: – Барон Грозин.

Надо же, целый титул... хоть и не первого сорта. Если в этом мире дела обстояли так же, как и в моем старом, баронское достоинство появилось в России только при Петре Великом. Оно или переходило через границу вместе с иностранцами из знатных семей, или – по большей части – жаловалось промышленникам и банкирам из состоятельных и полезных обществу и короне граждан. Судя по фамилии, происхождения Грозин был местного, так что похвастать по-настоящему крутой и древней родословной определенно не мог.

Впрочем, делиться своими догадками вслух я не стал, иначе дело определенно бы закончилось стрельбой или по меньшей мере мордобоем.

– И что же нужно вашему благородию от простого гимназиста? – поинтересовался я. – Если уж вам зачем-то было угодно мчаться за нами от самого Казанского собора.

– Ничего особенного... – Грозин многозначительно скосился на сумку в руках деда Федора. – Просто хотел посоветовать осторожнее выбирать друзей. Даже с человеком ваших способностей может случиться беда... Особенно если этот человек перейдет дорогу по-настоящему влиятельным людям.

Завуалированные намеки и изящные фигуры речи давались Грозину на двойку с минусом – сказывались то ли пробелы в образовании, то ли буйный нрав, то ли самое обычное врожденное скудоумие. Зато выводы были яснее некуда: спалив «Каторгу» и обобрав покойного Прошку, мы с семейством Кудеяровых изрядно наступили на хвост кому-то из сильных мира сего. Похоже, какая-то часть криминальных денег в сумке деда Федора должна была идти наверх, прямоком в карманы титулованных аристократов... Или, скорее, кого-то из их окружения – лично замазываться в подобных делах их сиятельствам все-таки не с руки.

Прямо как в моем родном мире.

– Совет я услышал. Выводы сделал. – Я коротко кивнул. – Благодарить, уж извините, не буду. Ваше благородие.

– Уверяю, у вас еще будет такая возможность. А вот извиниться... извиниться, боюсь, может оказаться уже поздно. Доброго дня, судари.

Грозин снова изобразил поклон, тут же развернулся и зашагал обратно к машине. Дед Федор проводил его благородие барона таким взглядом, будто всерьез подумывал всадить ему заряд картечи между лопаток. И даже я сам... скажем так, задумался. Уж не знаю, был ли Грозин тем самым бенефициаром Прошкиных капиталов или только представлял интересы нечистого на руку аристократа рангом повыше, но чутье подсказывало: мы непременно еще увидимся.

И следующая встреча запросто может оказаться весьма... насыщенной.

– Ладно, Володька, пойдем, – проворчал дед Федор, поправляя полу пиджака. – Дела сами себя не делают.

Глава 3

– «Левинзон и сыновья», – прочитал я здоровенную вывеску.

Темно-коричневые буквы на белом фоне растянулись чуть ли не на весь фасад здания. И не только бросались в глаза, но и загодя поддавливали возможных посетителей авторитетным масштабом. А вот с информативностью у вывески оказалось так себе: о точном количестве сыновей, равно как и о профиле солидной конторы, мне пока что приходилось только догадываться... Видимо, нужные люди все знали и так.

А ненужные сюда приходили нечасто.

– Милости прошу, сударь, – улыбнулся я, открывая дверь деду Федору с драгоценной сумкой.

Вопреки ожиданиям, никто не бросился встречать нас у порога. Ни сам уважаемый Соломон Рувимович, ни даже кто-то из его отпрысков. Контора явно работала с самого утра, но почему-то выглядела так, будто все внутри вдруг удрали через какой-нибудь запасной выход... Может, так оно и было. Сыновья и прочие служащие отсутствовали напрочь, а сам хозяин нашелся только в кабинете. Он скрючился у подоконника и до сих пор пытался разглядеть что-то сквозь щель в задернутых шторах, хотя на улице не происходило ровным счетом ничего интересного.

И вид при этом имел весьма и весьма испуганный.

Соломон Рувимович и в нашу первую встречу не воплощал собой отвагу и твердость духа, а теперь и вовсе напоминал замерзшего воробья: нахохлился и старательно втягивал голову в покатые плечи, а когда мы с дедом Федором зашли в кабинет – разве что не подпрыгнул, разворачиваясь.

– Хвала Господу, это вы! – прошипел он, так тихо, будто кто-то мог услышать нас с улицы. – Что там случилось?

– Просто один барон с дурными манерами. – Я пожал плечами. – Ничего особенного.

– Значит, мне не показалось... Это Грозин! – Соломон Рувимович снова полез лицом между штор. – Он здесь?!

– Подозреваю, его благородие уже уехал, – отозвался я. – Можете... Да поднимитесь уже, в конце то концов! Никто вас не тронет.

– Мне бы такую уверенность, юноша! Вот что я имею вам сказать: Михаил Грозин – весьма опасный человек! – Соломон Рувимович кое-как встал и тут же уперся руками в округлые бока. – И я бы не стал завидовать тому, кто с ним поссорится. Вы ведь не?..

– Нет, не думаю. – Я указал на сумку в руках деда Федора. – Но он явно намекнул, что мы взяли... кое-что чужое.

– И привезли это сюда, ко мне?!

Соломон Рувимович дернулся, подпрыгнул и выпучил глаза так, что я всерьез начал опасаться, как бы они не выскочили наружу окончательно. Видимо, Грозин и правда имел весьма однозначную репутацию – раз уж одно его имя заставило владыку финансовой конторы, матерого столичного дельца носиться по кабинету как перепуганный цыпленок по курятнику.

– О горе мне, горе! – Соломон Рувимович картинно схватился за седеющие черные кудри. – Нам всем конец, совсем конец, судари!

Уж не знаю, было ли это все спектаклем, разыгранным для нас специально, или бедняга страдал вполне искренне, но выглядело весьма убедительно. Всклокоченный вихрь в черном деловом костюме метался из стороны в сторону. Хватал что-то со стола или полка – и тут же швырял обратно. Ругался, стонал, хрипел, рвал и без того не слишком-то густые волосы на голове и бешено вращал глазами. То выглядывал в окно, то снова задергивал шторы, будто

сквозь них мог пролезть страшный барон собственной персоной. В общем, вел себя как человек, который то ли готовится вот-вот сойти с ума...

То ли уже.

– Что с ним такое? – поинтересовался я.

– Распереживался, болезный. – Дед Федор неторопливо пристроил сумку с наличкой на ближайший стол. – Видать, не врут все-таки слухи.

– Это какие?

– Да всякое болтают, Володька. Сам знаешь – чего только люди не придумают. Сам-то я в Петербурге человек новый, Грозина в первый раз вижу, про него тебе лучше Фома расскажет. – Дед Федор задумчиво почесал косматую бороду. – Но если уж почтенный Соломон Рувимович от таких разговоров ума лишился – значит что-то и взаправду есть. В общем, воровской общак... Им не только Прошка покойный ведал, но и этот самый...

– Да кто ж об этом не знает?! – снова заверещал испуганный голос. – Кто не знает, я вас спрашиваю? Господь милосердный, за какие грехи мне это все?..

– Прекратите! – Я поймал пролетавшего мимо Соломона Рувимовича за плечи и тряхнул так, что зубы клацнули. – Успокойтесь сейчас же. И присядьте уже, наконец!

Как ни странно, подействовало. То ли от неожиданности, то ли от самого обычного испуга бедняга тут же перестал вопить и дергаться – и я без особого труда протащил его через весь кабинет и буквально засунул в огромное кожаное кресло за столом.

– Вот, выпейте воды, любезный. – Я подхватил стоявший рядом графин и потянулся за стаканом. – И постарайтесь объяснить, что вас так... тревожит.

Похоже, мои способности понемногу возвращались. Конечно, на полноценную телепатию их вряд ли хватило бы и раньше – слишком уж сложным делом неизменно оказывалось вмешательство в чужой разум. Но фокус попроще удался, и как будто даже без особого труда: стоило мне сунуть в руку Соломону Рувимовичу стакан с водой и легонько коснуться кончиками пальцев мокрого от холодного пота лба, как несчастный тут же обмяк и задышал спокойно... Пожалуй, даже сонно – видимо, я все-таки перестарался, оттягивая излишки энергии.

Но уж лучше так, чем слушать эти вопли.

– Господь милосердный... благодарю. – Соломон Рувимович несколько раз стукнул зубами о край стакана и закашлялся. – Прошу, не подумайте, что я спятил. Но ваши... ваш поступок может дорого нам всем обойтись.

– Не сомневаюсь, – вздохнул я. – Если уж мы сцапали средства, которые кто-то привык считать своими. Впрочем, разве может один человек, даже Владеющий и титулованный дворянин, быть настолько... опасным?

– Может! Если его имя... Михаил Грозин. – Дрожащий голос снова перешел на шепот, так и не отважившись произнести имя барона в полную силу. – Если хотя бы половина из того, что о нем говорят, – правда, нам всем...

– Это я уже слышал. – Я бесцеремонно уселся прямо на стол, нависая над скорчившимся в кресле Соломоном Рувимовичем. – Если даже ваш Грозин и правда связан с покойным Прошкой или другими бандитами... Поверьте, кучка каторжан – точно не то, чего нам следует бояться.

– Не все вопросы можно решить оружием или кулаками, друг мой. У барона не только целая армия людей, но и весьма высокие покровители... Даже знай я точно – не отважился бы назвать их имена. Но если слухи не врут, – Соломон Рувимович еще понизил голос, – Грозин выполняет для высшего света столичной знати то... То, что принято называть грязной работой. И все сходит ему с рук!

– И это отличные новости, любезный. – Я скосился на застывшего в дверях огромной статуей деда Федора. – Если с его благородием вдруг случится несчастье – едва ли хоть кто-то поспешит на помощь. Аристократы не станут... скажем так, афишировать подобные знаком-

ства. Более того – наверняка кое-кто из высшего света столицы предпочел бы видеть Грозина мертвым, а не живым.

– Возможно, друг мой, возможно. – Соломон Рувимович понемногу успокаивался. – Но вы даже представить не можете, что это за человек – и на что он способен.

– Не вижу никаких причин беспокоиться, – усмехнулся я. – Если уж мы заварили эту кашу – придется расхлебывать до конца. Вы приняли решение, и менять его, пожалуй, слишком поздно... Даю вам слово, любезный. – Я опустил ладонь на плечо Соломона Рувимовича. – Пока я жив и нахожусь в добром здравии – никто не посмеет тронуть вашу семью хоть пальцем. И с вашей головы не упадет ни единый волос... Конечно же, если вы снова не приметесь выдирать их сами.

Не знаю, что подействовало сильнее – то ли понемногу возвращающиеся способности, то ли нужные слова. А может, когда я упомянул о делах, в испуганном человечке в кресле снова проснулся финансист. Он явно снова почувствовал себя в своей тарелке – и тут же уселся ровно.

– Да, конечно... Конечно же – дела в первую очередь. Как говорится, война войной, а доход... – Соломон Рувимович бесцеремонно выдернул из-под моей пятой точки целую кипу каких-то бумаг с печатями. – Я так понимаю, вас интересуют вклады в наше общее дело...

Я кое-что смыслил в колдовстве. И неплохо умел обращаться с любым видом холодного или огнестрельного оружия, когда-либо изобретенного человечеством. За сотни лет даже без малейшей искры таланта обучишься чему угодно...

Почти – чему угодно. Возня с векселями, облигациями и прочей ценной макулатурой так и осталась для меня темным лесом. Не то чтобы я совсем уж не понимал пространных речей уважаемого Соломона Рувимовича, но немалая часть пуль его коммерческой премудрости отскакивали от брони моего разума, не оставив даже царапины. В конце концов, я не одну сотню лет обходился без всех этих заморочек в том мире – да и в этом становиться финансистом уж точно не собирался. Вполне достаточно и того, что мои наличные средства пойдут в дело, но кое-какой суммой я смогу распоряжаться самостоятельно.

Не самой большой, конечно же, – по меркам того же Кудеярова. Немыслимо огромной для Фурсова, Петропавловского и кого-то вроде дядьки Степана. Лично я же находил ее... скажем так, достаточной – для достойной жизни, обновления гардероба и, что самое главное, решения кое-каких насущных задач, о которых распространяться уж точно не следовало. Остальное меня волновало мало, но Соломон Рувимович зачем-то принялся объяснять все подряд, чуть ли не до малейших деталей.

Поэтому из-под вывески «Левинзон и сыновья» мы с дедом Федором выходили уже под вечер и вымотанные так, будто не сидели в просторном кабинете, а таскали кирпичи.

– Уф-ф-ф... Я уж думал, помру, Володька. Не дай бог Фома еще раз сюда отправит – в лоб дам, честное слово.

– Добро пожаловать в столицу, сударь, – усмехнулся я. – То ли еще будет.

– Да уж, блистательный Санкт-Петербург, растак его. – Дед Федор заскрипел пружинами сиденья, усаживаясь поудобнее. – Только, это самое... Володька, ты мне знаешь чего пообещаешь?

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Но вы скажите.

– Тьфу! Тебе лишь бы зубы скалить... Дурь молодецкую показываешь – это дело хорошее, правильное. – Дед Федор улыбнулся... и вдруг сурово сдвинул брови. – Но вот что я тебе скажу: с Грозиним не связывайся, даже если сам ползет. Не по зубам он тебе, Володька.

– Это почему? – поинтересовался я.

– Потому. – Дед Федор насупился и шумно выдохнул через нос. – Крути баранку давай – и лишнего не спрашивай.

Глава 4

Вернувшись домой, я тут же плюхнулся спать, но даже утро не принесло облегчения: перед глазами до сих пор мелькали циферки и графы таблиц, и даже поездка в трамвае не смогла вытряхнуть их из головы. В конце концов я вышел сразу после Николаевского моста и дальше двинулся пешком, чтобы хоть немного проветриться.

Получилось – если не выдохнуть окончательно, то хотя бы отключиться, и теперь ноги несли меня сами. За Мойку, потом налево, мимо дворца Юсуповых. Прямо по улице, которую в этом мире вряд ли называли в честь декабристов. Поворот, еще поворот – и снова прямо, до самого Гривцова... то есть Демидова переулка – и потом по мосту через Екатерининский канал.

И только на этой стороне я понял, куда пришел.

Кондитерская на набережной выглядела совершенно обыденно – и вряд ли хоть чем-то отличалась от десятков подобных себе, раскиданных по всему центру города. Да и была самой обычной... если не считать того, что я определенно сюда ходил. Часто, чуть ли не каждый день: кофе здесь всякий раз варили отменный.

В моем старом мире.

И здесь же в меня стреляли. Год назад, в марте девятьсот восьмого... того девятьсот восьмого. То ли обычные бандиты, то ли чей-то ревнивый муж. А может, и политические, приняв за кого-то другого. В те времена в Петербурге уже было неспокойно. Я так и не узнал, кто желал мне смерти: били с той стороны канала, издалека и в спину... и тут же удрали.

Удивительная штука память. Иногда забываешь чуть ли не целые годы – и не из прошлого века, а совсем недавние. А иногда – вспоминаешь то, что было сто лет назад. Без усилий и в мельчайших подробностях, будто в замедленном режиме снова и снова смотришь кино у себя в голове.

Вот я выхожу наружу из той двери. Чашки в руках уже нет – осталась на столике. Есть газета, которую почему-то очень нужно дочитать. Я замедляю шаг, пробегаюсь глазами до конца разворота, качаю головой – видимо, статья мне не очень-то понравилась. Сворачиваю листы в трубку и убираю под пиджак... нет, под бушлат – апрель в том году выдался холодный.

Потом выстрел. Пуля бьет в стену, в лицо летит каменная крошка, кто-то верещит...

– Вот так дела, – пробормотал я, касаясь неровных краев кончиками пальцев.

Отметина осталась и год спустя. Может, немного другая, не той формы, чуть глубже и треугольная, с разошедшимися в стороны по выдавшей виды краске трещинами – но точно в том же самом месте, чуть правее угла окна.

Пуля попала сюда – и в том мире, и в этом.

Я шагнул влево и заглянул сквозь стекло в утренний полумрак зала. Посетителей в кондитерской еще не было – слишком рано, но она уже открылась. За стойкой в углу скучала невысокая полная женщина в белой косынке. Может, та же самая – лица я, конечно же, не запомнил, хоть и бывал здесь не раз и не два.

На мгновение даже мелькнула мысль зайти и спросить... только что? Не бывал ли здесь год назад мужик? Какой? Лет тридцати-сорока, среднего роста, крепкий, мрачный, с темной щетиной и сединой на висках. Одетый... одетый как все.

Таких тысячи – в любом мире.

И в любом столетии.

– Владимир Петрович! Ваше благородие, Владимир Петрович!

Засмотревшись на дырку в стене, я не заметил, как рядом со мной остановился знакомый автомобиль. Дверца со стороны водителя распахнулась, и оттуда высунулся и призывно махал мне... Захар, кажется. Денщик Дельвига выглядел куда бодрее, чем в нашу первую встречу, да еще и улыбался так, будто почему-то до неприличия обрадовался, увидев меня.

Впрочем, так оно, похоже, и было.

– Владимир Петрович, вот не поверите – я как знал, что вас тут встречу. Меня ж в гимназию отправили, со срочным поручением, – продолжал тараторить Захар, обегая капот автомобиля. – Антон Сергеевич срочно к себе требует!

– Требуется? – усмехнулся я.

– Сердечно просит... ваше благородие. – Захар понизил голос и виновато втянул голову в плечи. – Просил передать – помочь надобно, и никак без вас не справиться, Владимир Петрович.

Вот так выбор: провести еще один день в гимназии – или прямо сейчас мчаться навстречу очередной тайне этого мира, на помощь могучему древнему Ордену и лично его преподобию капеллану.

Видимо, получить классическое образование мне все-таки не судьба.

– Ну, если сердечно просит... – Я неторопливо шагнул к автомобилю. – Ладно уж, так и быть – поехали.

Машина сорвалась с места даже раньше, чем я успел захлопнуть дверцу и как следует устроиться на сиденье. Захар явно спешил, поэтому крутил баранку с солдатской лихостью. Ему, пожалуй, не хватало врожденного Таланта и изящной небрежности Дельвига, но их отсутствие он с избытком компенсировал старанием.

И темпераментом: чуть ли не каждый маневр сопровождался недовольным пыхтением, а то и руганью. Захар выжимал из мотора все, что мог, и то и дело подрезал машины и распугивал лошадей могучим ревом из-под капота – но виноватыми неизменно оказывались другие, вплоть до пешеходов и городских в будках.

Я уже всерьез начал сомневаться, что мы доедем до места в целостности и сохранности, но Захар вдруг свернул направо, перемахнул через Неву и полетел на север по Большому Сампсониевскому проспекту уже без лишней суеты. Здесь дорога оказалась почти свободной, так что у меня, наконец, появилось возможность спокойно оглядеться.

И сообразить, что едем мы явно не на Галерную.

– Уж извините, ваше благородие, – снова заговорил Захар. – Я же вас даже поблагодарить не успел. Сами понимаете – суета такая...

– За что благодарить? – поинтересовался я.

– Так вы же мне жизнь спасли, Владимир Петрович. И даже руку сохранили. Их преподобия не сдюжили – хоть и целителей просили, и самого архиерея звали... Те не смогли, а вы пришли, пошептали – и вот она, как новенькая! – Захар принялся демонстративно трясти затянутой в тонкую перчатку конечностью, и так увлекся, что едва не упустил руль. – Выходит, Талант особый есть в вашем благородии. Или, может, слово какое известно – раз уж такие чудеса творите?

– Много будешь знать – скоро состаришься, – усмехнулся я. – Лучше скажи – мы куда едем? Я гляжу – не к Синоду.

– Так в Парголовскую мызу, ваше благородие. – Захар, в отличие от меня, отозвался с явной охотой. – Антон Сергеевич нынче там остановился, считайте, у самих графов Шуваловых в гостях.

– Это что ж получается – у вас там еще... учреждение?

Я не без труда подобрал слово: «база» тут явно не годилась, а от термина «площадка» веяло чем-то уже более поздним, из советской эпохи. Но, так или иначе, Орден явно располагал ресурсами посolidнее, чем пара этажей в здании на Галерной под боком у Святейшего Синода. Впрочем, неудивительно – должны же были капелланы разместить где-то личный состав и оружие. И где-то еще – возможно, на севере города, в Парголово – расположились казармы, арсенал... гаражи, в конце концов.

– Никак нет, ваше благородие. Там только усадьба, парк... дачи господские еще, – отозвался Захар. – Но их сиятельства дозволили. Андрей Павлович лично велел наших разместить. И оказывать всяческое содействие.

Когда Орден просит – ему редко отказывают. И, видимо, не только юные гимназисты, но и целые аристократы графского рода Шуваловых.

Ни светофоров, ни уж тем более пробок по пути, ясное дело, не имелось – так что мы долетели до выезда из города за каких-то минут десять. Но и их хватило, чтобы погода испортилась окончательно. Утро и без того выдалось не самым приятным, а теперь вокруг понемногу становилось... нет, не то чтобы темно – но как-то серо и мокро. Небо так и не разродилось дождем, зато будто сползло вниз к земле под собственной тяжестью. В воздухе повисло водяное крошево, на стеклах машины снаружи выступили капли, а еще через половину километра мы заехали в такой туман, что Захару пришлось замедлить ход машины и разве что не лечь грудью на руль, выглядывая впереди поворот.

– Вот они, голубчики наши, – проговорил он. – Почти приехали, ваше благородие.

Фигуры в военной форме явно охраняли дорогу – но все равно вынырнули из серой пелены неожиданно, словно вдруг появились прямо перед капотом. Один из них отсалютовал нам, чуть приподняв винтовку со штыком, и отошел в сторону, освобождая проезд. Захар махнул рукой, снова придавил газ, и мы неторопливо покатались вперед.

Вскоре асфальт под колесами сменился грунтовкой, а деревья с каждым метром подступали к дороге все ближе и ближе, и теперь нависали над нами свежей темно-зеленой листвой. Шуваловский парк, который я помнил из двадцать первого столетия родного мира, тоже порой казался диковатым местом, но этот и вовсе выглядел... чуть ли не зловеще. Даже самая обычная ограда, появившаяся из тумана справа от нас, будто сбежала из кадра какого-нибудь древнего черно-белого ужастика.

А готический шпиль с крестом, проплывший над дорогой где-то слева, лишь усиливал впечатление. Но, вопреки ожиданиям, Захар не свернул к церкви, а проехал чуть дальше и где-то через две сотни метров остановился у забора перед двухэтажным деревянным зданием.

Его я почему-то вспомнил сразу: в моем мире оно стояло на этом же месте и сто с лишним лет спустя. Разве что выглядело иначе – древним, усталым, с заколоченными на первом этаже окнами. С облупившейся и потускневшей от времени краской и ржавой металлической крышей, да еще и просело посередине так, будто всерьез собиралось рухнуть.

Зато здесь его построили совсем недавно. Может, не вчера, но вряд ли больше нескольких лет назад. Стены стояли ровно, все, что могло блеснуть, – блестело. И даже желтая краска на досках смотрелась свежо, а среди окружающей дом мокрой серой дымки тумана, пожалуй, даже задорно и как-то жизнерадостно.

Если бы не солдаты у калитки, я бы подумал, что это дача какого-нибудь художника, архитектора или поэта. Но сейчас здесь безраздельно властвовал Орден Святого Георгия.

– Сюда, ваше благородие.

Захар заглушил мотор и выскочил наружу, явно намереваясь открыть мне дверцу, но я, конечно же, справился быстрее. Через несколько мгновений мы уже обогнули дом и, поднявшись на крыльцо, прошли мимо караульных внутрь. Никакого электричества внутри, похоже, не имелось, и после темноты коридора огонь в камине показался настолько ярким, что я не сразу смог разглядеть людей в гостиной – только силуэты, один из которых показался знакомым.

– Это ты, гимназист?.. Ну, как говорится, добро пожаловать и милости прошу. – Дельвиг, не поднимаясь из кресла, указал рукой на стол. – Погляди, что тут у нас нашлось.

Глава 5

Нитшест я узнал сразу – и даже на мгновение успел подумать, что на столе перед Дельвигом лежит тот же самый, что его преподобие спалил на моих глазах. Но таких чудес не бывает в этом мире, и чужое темное колдовство не восстало из пепла. Да и череп оказался другой – вытянутый и заостренный. Похоже, птичий. Впрочем, уродливая игрушка меня интересовала мало: ее наверняка сделал тот же самый неизвестный мне заклинатель. И с теми же самыми целями.

А вот к людям в зале определенно стоило присмотреться: парочка оказалась колоритная. Я ожидал увидеть еще нескольких георгиевских капелланов, солдат или офицеров с пурпурными погонами. Или кого-нибудь из полицейских чинов. Но оба гостя Дельвига были одеты в штатское – да и не слишком-то напоминали служивых.

Первый – чуть смуглый черноволосый мужчина с залысинами. Я уже понемногу привыкал к полумраку и все же пока не мог даже предположить, сколько ему лет – то ли тридцать с небольшим, то ли хорошо за пятьдесят... В неброской внешности явно проглядывало что-то южное, кавказское, хоть и разбавленное изрядным количеством местных кровей: незнакомец унаследовал от кого-то из предков внушительных размеров нос с горбинкой и густые брови, почти сросшиеся над переносицей.

Близко посаженные глаза оказались не карими, как я ожидал, а скорее серыми, стальными – да и взгляд был под стать: внимательный и цепкий. Не сердитый, но какой-то настоженный и колючий, будто его обладатель ничуть не обрадовался моему появлению, даже наоборот. А может, всегда смотрел так... Незнакомец всем своим обликом изрядно напоминал какую-то хищную птицу, а строгий костюм лишь усиливал впечатление, в отсветах пламени камина превращаясь в темное оперение.

– Князь Виктор Давидович Геловани, статский советник, – представил его Дельвиг. – А это...

– Вольский, Петр Николаевич.

Второй гость не стал дожидаться и сам вскочил с дивана, схватил мою ладонь обеими руками и принялся трясти так, будто всерьез собирался оторвать. Это казалось настолько странным и неуместным, что я даже успел засомневаться, не пытается ли уважаемый Петр Николаевич так странно пошутить – но нет, он, похоже, был немислимо серьезен.

Впрочем, улыбку вызывал даже сам его вид: угловатый, худощавый и неуклюжий, в светлом плаще не по размеру и мокрой твидовой шляпе с обвисшими краями, которую Вольский так и не снял, хоть и находился в помещении. На вид ему было не так уж много лет – где-то шестьдесят с хвостиком, но мне почему-то сразу захотелось назвать его старичком.

Не старичком, а именно старичком – то ли из-за седой всклокоченной бородки, то ли из-за слегка запотевшего пенсне на носу, за которым подслеповатые болотного цвета глаза казались втрое больше. А может, из-за землистого оттенка кожи на лбу и щеках – Вольский выглядел так, будто изрядно устал или уже давно страдал от какой-то хронической болезни.

Но если неведомая хвороба и вытянула из бедняги силы с остатками молодости, то жизнерадостности уж точно не лишила: двигался старичок весьма и весьма бодро, хоть и с грацией деревянной куклы, да и улыбался так, словно прямо сейчас наблюдал перед собой что-то до неприличия забавное.

В общем, был абсолютной противоположностью первого гостя Дельвига, строгого и молчаливого. И в манерах, и в самой внешности Вольского имелось что-то гротескное, словно он отчаянно пародировал сам себя, почти превращаясь в откровенно комедийного персонажа. На мгновение даже показалось, что я уже видел кого-то похожего. То ли на киноэкране в какой-нибудь старой комедии, то ли на карикатурах начала двадцатого века... а может, и вовсе в

мультфильме. Что-то вроде слегка сумасшедшего ученого – только не обаятельного в своем гениальном безумии дока Эммета Брауна, а скорее улыбчивого и добродушного Айболита.

И ощущение меня, похоже, не обмануло.

– Сибирский императорский университет, профессор историко-филологического факультета... отставной, – тараторил Вольский. – Известный на всю нашу необъятную страну собиратель легенд и фольклора, автор превеликого множества книг и статей в журналах. Также имею честь быть близким знакомцем его превосходительства...

– Петра Николаевича попросили... попросили оказать помощь Виктору Давидовичу. – Дельвиг снова указал на Геловани. – И он любезно согласился...

– Ну как же, как можно отказать, если сам градоначальник обратился – лично! Дескать, никто кроме вас, милостивый государь, ровным счетом ничего не смыслит в подобном. И если уж отечеству непременно нужны мои особые познания... – Вольский явно собирался рассказать все сам, а не слушать других. – К тому же Парголовская мыза весной чудо как хороша! Даже если погода выдалась дурная – сложно отказать себе в небольшой прогулке перед завтраком. Только я, признаться, задумался – и бродил куда дольше, чем следовало... Только вошел, видите? – Вольский виновато улыбнулся и демонстративно подергал себя за отвороты плаща. – Как раз аккурат перед вами, уважаемый...

– Волков. Его благородие Владимир Волков. Учащийся шестой петербургской гимназии и мой... протеже. И раз уж мы все теперь знакомы – могу ли я попросить вас, любезный Петр Николаевич, перейти, наконец, к делу?

Дельвига явно уже успел изрядно утомить словоохотливый старикашка, которого ему, похоже, прислали в нагрузку с чинушей из неведомо какого ведомства. Да и сам Геловани едва ли был в восторге от подобного... скажем так, напарника и коллеги. Но виду, конечно же, не подавал: его сиятельство с самого начала разговора не только не проронил ни слова, но и, казалось, даже не двигался. И если бы не внимательный взгляд, неторопливо скольльзящий от меня к уродливой штуковине на столе, его и вовсе можно было бы принять за изваяние.

– К делу?... Конечно, конечно же – как вам угодно, Антон Сергеевич, – закивал Вольский. – Полагаю, вам, милостивые судари, хочется поскорее узнать, что же за... что же за гадость попала в руки наших доблестных защитников. И едва ли хоть кто-то здесь знает о скандинавских проклятиях, верно?

Я знал – и, вероятно, раз этак в сто побольше уважаемого Петра Николаевича. Но, разумеется, промолчал: во-первых, меня пока еще не спрашивали. А во-вторых – вопрос явно был из риторических. Вольский не ждал ответа, да и вообще, похоже, куда больше любил рассказывать, чем слушать.

Одно слово – профессор.

– То, что мы сейчас наблюдаем перед собой, представляет собой уменьшенную... и, пожалуй, слегка видоизмененную копию так называемого нитсшеста древних викингов. Нитсшеста, – Вольский повторил заковыристое слово чуть ли не по буквам. – Скандинавского ритуала, целью которого было навредить своему недругу. Для этого заклинатель брал копьё или обычную деревянную палку длиной примерно с человеческий рост и вырезал на ней руны. А затем насаживал на нее отрезанную голову лошади и втыкал в землю. Морду следовало развернуть в сторону, где находилось жилище будущей жертвы проклятия. Также колдовство подразумевало обращение к темным силам... Впрочем, отдельные источники указывают, – тут же поправился Вольский, – что иной раз в подобной магии могли помочь и языческие боги. Не случайно того же Одина, которого в кельтской традиции именуют Вотаном, считают покровителем не только воителей, но и мудрецов, знахарей...

Дальше я почти не слушал. Реальных фактов – даже чисто исторических – старикашка сообщал не так уж много, а домыслы и результаты сомнительных исследований меня интересовали мало. Да, по форме исполнения и способности убить человека за считанные часы неведо-

мое колдовство действительно чем-то напоминало скандинавский нитсшест, но на этом сходство, пожалуй, и заканчивалось. Его целью явно было не навредить кому-то конкретному или даже целому семейству. Впрочем, и с этим уродливая палка с птичьим черепом наверняка справилась бы неплохо: если уж нашествие упырей едва не стоило жизни целому георгиевскому капеллану, можно только представить, что бы зубастые сотворили с обычным человеком – вздумай кто-то спрятать нитсшест у него в доме.

– Однако, как вы можете заметить, милостивые судари, это... эта штука заметно меньше. – Вольский чуть привстал и протянул руку к столу. – Да и вообще выглядит скорее поделкой ребенка, чем...

– Не трогайте!

От грозного окрика Дельвига у меня на мгновение заложило в ушах. Даже невозмутимый Геловани вздрогнул, а несчастного старикашку и вовсе швырнуло обратно в кресло. Огонь в камине – и тот затрепетал от мощи Таланта, хлестнувшей от капеллана во все стороны.

– Господь милосердный, Антон Сергеевич... вы что, смерти моей желаете? – пробормотал Вольский, массируя себе грудь слева под ключицей. – Так ведь и кондрашка хватить может – в моем-то возрасте!

– Прошу меня простить, сударь, – буркнул Дельвиг. – Мне стоило сказать раньше, конечно же. Но эта вещь небезопасна. И я настоятельно не советую прикасаться к ней. Наденьте перчатку, если вам угодно – или хотя бы возьмите тряпицу... И бога ради, будьте осторожны, Петр Николаевич!

– Нет уж, благодарю покорно! – Вольский сложил руки на груди и насупился. – Признаться, мне и самому не слишком-то хотелось трогать эту гадость... Но неужели вы и правда считаете, что нитсшест может кому-то навредить?

– Вы ведь сами сказали, что это древнее проклятье. – Дельвиг пожал плечами. – Темная магия.

– Конечно, всякое может быть... Но едва ли все это многим больше самого обычного суеверия, Антон Сергеевич, – улыбнулся Вольский. – Фольклор, если хотите, – точно такой же, как Баба-яга или Кощей Бессмертный из старых русских сказок. Разумному человеку не стоит недооценивать знания и наследие предков, но уверяю вас, эта странная палочка с птичьей головой на деле не более чем...

– А я уверяю вас в обратном! – Дельвиг поправил сползающие с носа очки. – И хоть у меня пока нет даже догадок о природе той силы, что заключена в нис... нитсшесте – мы уже имели несчастье наблюдать, как...

Его преподобие не договорил: где-то снаружи гроыхнул выстрел. И не успело эхо от грохота затихнуть среди деревьев вокруг дома, как ему в ответ раздался вой. Хрипый, протяжный, похожий на волчий – разве что слегка булькающий.

Будто где-то неподалеку спрятался огромный лесной хищник, страдающий бронхитом.

– Господи... что это?! – Вольский еще сильнее вжался в спинку дивана. – Вы слышали, судари?

– Полагаю, солдаты кого-то заметили.

Геловани подал голос впервые с самого начала беседы. Видимо, решил, что появление неведомой твари стоит его внимания – в отличие от сомнительной болтовни о древних скандинавских проклятиях. Но и это ничуть не смутило статского советника – он все так же сидел неподвижно и даже говорил ровно, почти монотонно. Как автомат.

– Упыри? – поинтересовался я. – Кого-то только что подстрелили.

– Боюсь, дела обстоят... несколько хуже. – Дельвиг чуть согнулся вперед и рывком поднялся из кресла. – Судя по всему, к нам пожаловал леший. ((Вот здесь напрашивается звуковое сопровождение. Музыка или, там, какой эффект))

Глава 6

– Леший? Это чудовище?! – От испуга Вольский дал петуха, сорвавшись на сдавленный писк. – Господи, Антон Сергеевич... Но ведь там солдаты – и мы в безопасности, ведь так?

– Пожалуй, – отозвался Дельвиг. – Но я все-таки выгляну наружу. С лешим не так уж просто справиться.

– Если так – я с вами. – Геловани поднялся из кресла. – Если мне не изменяет память, у Георга Егоровича неплохая коллекция ружей. И он вряд ли станет возражать, если мы позаимствуем парочку, чтобы поохотиться.

– Тогда я тоже в деле. – Я опустил портфель с учебниками и тетрадями на пол. – Солдатам наша помощь не помешает. Петр Николаевич, думаю, вам лучше будет...

– Ну уж нет! – Вольский колобком скатился с дивана. – Я не собираюсь оставаться здесь один, пока снаружи бродит это чудовище!

Дельвиг протяжно вздохнул, но возражать не стал – и тут же развернулся к двери. Мы поднялись на второй этаж. Наверное, в кабинет хозяина, того самого Георга Егоровича. В целом внутреннее убранство дома не слишком-то напоминало жилище любителя охоты, но коллекция в широком застекленном шкафу между книжных полок и правда оказалась впечатляющая: одних ружей я насчитал чуть ли не дюжину.

– Американский «винчестер»? – Дельвиг осторожно достал крайнее слева. – Неплохая игрушка. И довольно редкая в наших краях.

Куцый ствол, трубчатый магазин и скоба снизу – я без труда узнал дробовик модели восемьдесят седьмого года. Его преподобие то ли и правда знал толк в охотничьих системах, то ли просто схватил первое попавшееся ружье – и не прогадал: многозарядный винчестер отлично годился для небольшой прогулки по лесу.

Особенно если в этом самом лесу сидит здоровенная, прыткая и наверняка очень голодная тварь.

Геловани не стал мудрствовать – взял немецкий карабин и теперь рылся в выдвижном ящике в поиске подходящих патронов. Мне, пожалуй, тоже стоило прихватить что-нибудь знакомое и, желательно, попроще и понадежнее... но рука сама потянулась к инкрустированному золотом ложу с клеймом «Holland&Holland».

Британская компания, одна из старейших – из тех, что выпускают игрушки вроде этой. И, пожалуй, самая известная и в Российской империи, и во всем мире. Мне не раз приходилось слышать о ней, но даже подержать в руках хоть что-нибудь из продукции «Холландов» так и не случилось.

Впрочем, неудивительно: я никогда не был особым поклонником охоты, а для войны могучие крупнокалиберные ружья годились мало. Слишком уж тяжелые, слишком архаичные, предназначенные скорее украшать интерьеры богатых домов, чем для дела. Тяжелые, предельно мощные, красивые – но все-таки безнадежно устаревшие уже в тот самый день, когда покинули фабрику в Великобритании.

Но сейчас благородное оружие буквально притягивало меня к себе. Тяжелый двуствольный штуцер с блестящими золотом узорами выглядел бессовестно дорого – а стоил наверняка еще дороже. Я бы не удивился, узнав, что из него вообще ни разу не стреляли, а купили исключительно для коллекции.

– Вы уверены, Владимир? – поинтересовался Геловани. – Ружье заряжается патронами с нитроглицериновым порохом. Такие обычно используют в Африке для охоты на слонов или носорогов... Не всякий с ними справится: отдача запросто собьет с ног даже взрослого мужчину.

– Уверяю, ваше сиятельство, Владимиру не занимать сил. – Дельвиг едва заметно улыбнулся. – И он отличный стрелок. Смею предположить – даже лучший из нас.

– Патрон мощный, да. Но ведь мы собираемся поохотиться на весьма крупную дичь – разве не так, судари?

Я запустил руку в коробку и набрал полную горсть металлических цилиндриков – увесистых и огромных, примерно с мой палец размером. Потом переломил штуцер надвое и принялся заряжать. Геловани удивленно приподнял бровь, но от комментариев все-таки воздержался.

– Ружья... Наверное, тяжелые. – Вольский бесцеремонно растолкал нас плечами. – Не уверен, что вспомню, как с ними обращаться. Судари, неужели здесь не найдется чего-нибудь вроде револьвера или...

– Вот, возьмите! – Дельвиг с явным раздражением выдернул из-за пазухи «Смит-Вессон» и протянул его рукоятку вперед. – Только бога ради, Петр Николаевич, постарайтесь не подстрелить нас... или себя.

Вольский и правда обращался с оружием не слишком-то уверенно, но все равно поспешил за нами. Сначала вниз по лестнице, потом через веранду на улицу. Солдат вокруг дома уже не было – даже Захар, похоже, уже успел отправиться искать лешего, прихватив оружие из машины... Но выстрелов я больше не слышал. Чудище то ли удрало дальше в лес, то ли просто спряталось.

Туман еще больше сгустился и улегся на землю белесой пеленой. Такой густой, что деревья вокруг просматривались от силы метров на пятьдесят. Стоило мне сделать буквально несколько шагов, как дом за спиной попытался спрятаться, а машина и вовсе исчезла – вместе с дорогой. Я пока еще более-менее представлял, где они остались, но еще немного – и все ориентиры пропадут, и тогда...

– Не расходитесь, судари, – мрачно проговорил Дельвиг. – Не хватало еще перестрелять друг друга.

– О-о-о, не сомневайтесь, Антон Сергеевич. – Вольский щелкнул курком револьвера. – Уж я-то от вас не отойду!

Старик держался не так уж плохо. Испуганно озирался по сторонам, то и дело спотыкался, бормотал что-то себе под нос – но хотя бы не тыкал стволом револьвера в мою сторону. Дельвиг молча шагал с винчестером наперевес, и эфир вокруг него потихоньку наливался энергией. Мощь Таланта скручивалась в тугую пружину, готовую распрямиться и ударить каким-нибудь боевым заклятием из арсенала георгиевских капелланов – и все же было видно, что его преподобию в лесу не слишком уютно.

Зато Геловани, похоже, чувствовал себя, как рыба в воде. Не знаю, из какого ведомства его прислали, но с карабином князь обращался уверенно, да и в охоте явно кое-что смыслил: двигался осторожно, выбирая, куда ставить ногу, и почти бесшумно.

– Кажется, я что-то вижу, – прошептал Дельвиг, прицеливаясь куда-то влево. – Посмотрите – двигается...

– Это солдаты. Не вздумайте стрелять! – Я на всякий случай протянул руку и отвел ствол винчестера вниз. – Слышите – они тоже ищут лешего.

Между нами было метров пятьдесят, а то и все семьдесят, но в тишине леса до моих ушей доносились даже обрывки фраз. Вояки негромко переговаривались и отходили все дальше, в сторону усадьбы Шуваловых, понемногу исчезая в тумане.

Но густая белесая пелена скрывала не только их. Где-то впереди среди деревьев мелькнул силуэт. Неясный, пока еще расплывчатый, нечеткий – и все-таки слишком проворный, чтобы принадлежать человеку или упырю.

И слишком большой.

– Там! – прошипел Геловани, вскидывая карабин. – Вот он!

Мы спустили курки почти что разом – и два выстрела слились в один. Впрочем, на фоне могучего грохота голландовского штуцера голос немецкого карабина, можно сказать, затерялся. Правое ухо тут же намертво заложило, а приклад лягнул в плечо так, что меня буквально протащило по земле подошвами ботинок. Геловани не соврал: порох с нитроглицерином действительно оказался куда мощнее обычного, и любого другого парня моих лет, пожалуй, и вовсе опрокинул бы на спину.

Разрушительная сила у патрона оказалась соответствующая: где-то в полусотне шагов впереди раздался жалобный треск, и тонкое деревце переломилось, заваливаясь кроной набок. Эхо от выстрелов еще гремело, убегая все дальше в лес, туман отзывался сердитым воплем – но через несколько мгновений все стихло.

– За ним! – скомандовал Дельвиг, ускоряя шаг. – Леший побежал в сторону церкви – там могут быть люди!

Геловани негромко выругался, лягнул затвором и поспешил следом. Я двинулся за ним, на ходу перезаряжая штуцер. Вольский чуть отстал, но явно старался изо всех сил, чтобы не потеряться. Впрочем, идти пришлось недолго: буквально через десяток шагов я разглядел в тумане дерево, в которое угодила пуля из штуцера.

– Хороший стрелок, лучший из нас? – усмехнулся Геловани. – Пожалуй, так и есть. Вы хотя бы подстрелили осину, Владимир – а я и вовсе промазал.

– Может, и нет. – Я уперся прикладом в землю и опустил на одно колено. – Поглядите, ваше сиятельство.

Кровь... точнее то, что ее заменяет у незваных гостей из Прорывов. Лишь небольшой сгусток на прошлогодней слежавшейся листве – скорее всего, пуля прошла вскользь, едва зацепив мохнатую шкуру. Или попал Геловани из винтовки: поймай леший заряд из штуцера – измазал бы жижей все вокруг... да и вряд ли смог бы удрать так быстро.

– Вот здесь еще. – Дельвиг указал винчестером на землю в нескольких шагах. – Мы его ранили!

И теперь могли идти по следу: разглядеть темные капли было не так уж и просто, но ветер дул в нашу сторону, и я бы почуял лешего, даже будь он цел и невредим. А уж его «кровь» воняла так, что передо мной в тумане словно развернули что-то вроде невидимого коврика, который вился между деревьев, уходя в сторону шоссе, по которому мы с Захаром приехали.

– Не беги так, гимназист! Ты уверен, что мы?..

Я изрядно оторвался от своих спутников, и последние слова Дельвига потонули в хрусте веток и натужном пыхтении за спиной. Остальные, конечно же, не могли видеть и чувствовать то же, что и я, – поэтому едва за мной поспевали. На мгновение даже захотелось от них удрать... а то и вовсе снять одежду и перекинуться, сменив неуклюжее и медлительное человеческое тело на то, что куда лучше годилось для беготни по лесу.

Охота пьянила, и хищник рвался наружу с утроенной силой, загоня добычу, но я не давал ему воли. На полноценную трансформацию меня могло и не хватить. Да и вряд ли звериная форма уже набрала достаточно сил, чтобы сцепиться один на один с трехметровой зеленой гориллой с полной пастью острых зубов.

Интересно, что бы подумал его преподобие капеллан, вздумай я раздеться догола, встать на четвереньки и обрасти густой серой шерстью?

– Он свернул... к дороге, кажется. – Геловани ускорил шаг, догоняя меня. – Если леший заберется в усадьбу...

– Не заберется. Ему просто здесь не пройти – впереди церковь.

Дельвиг поднял руку вверх, и через несколько мгновений я все-таки смог разглядеть проступающий в тумане островерхий силуэт: крест, и чуть ниже – колючий готический шпиль. Мы действительно подобрались к храму почти вплотную.

– Святая земля... – пробормотал за моей спиной Вольский. – Нечисти туда дороги нет.

– Именно так, Петр Николаевич. – Дельвиг молодецки закинул винчестер на плечо. – А вот мы, пожалуй, немного срежем.

Глава 7

Видимо, у местной нечисти были с религией какие-то особые отношения. Гости из Прорывов с охотой появлялись на кладбищах, однако почему-то сторонились церкви и к тому же задорно горели от боевого пламени капелланов. Значит, дело не только в Таланте, а еще и в вере как таковой: даже в небольшом храме Парголовской мызы ее силы оказалось достаточно, чтобы заставить лешего свернуть.

А мы – как верно подметил Дельвиг – могли пройти напрямую.

Мне не слишком-то хотелось терять след, но спорить я не стал и молча полез через церковную ограду следом за его преподобием. Геловани уже ждал нас на той стороне, а Вольский догнал буквально через мгновение. Видимо, страх отстать придавал ему силы: для своих лет дедок двигался на удивление проворно, и тяжеленный «Смит-Вессон» ему ничуть не мешал.

– Кажется, там калитка. – Геловани указал вперед. – Черт бы побрал этот туман.

– Лучше не поминайте, ваше сиятельство, – проворчал Дельвиг. – Его нам только сейчас и не хватало.

– Антон Сергеевич... может, стоит заглянуть в церковь? – Вольский чуть ускорил шаг. – Если кому-то вздумается выйти наружу – беднягу тут же сожрут!

– Нет времени! – Дельвиг сердито тряхнул головой. – И будьте осторожнее, судари. Леший уже рядом – я его чувствую.

Видимо, в арсенале георгиевских капелланов имелась не только способность штопать прорехи в бытии и поджаривать нечисть белым огнем, но и умение чуют гостей из Прорывов. Если не всех, то по меньшей мере самых крупных и опасных... Впрочем, неудивительно. Я понятия не имел, откуда именно вылезают все эти упыри с жабами и прочая дрянь, но их родная обитель запросто могла оказаться радиоактивной пустыней... или скорее болотом. Если так, то наш друг леший изрядно фонил каким-нибудь гамма-излучением, а Дельвига научили улавливать частицы. И чем ближе мы подходили, тем больше их становилось.

До таких высот восприятия мне, конечно, было еще далеко – зато их вполне заменяло сверхчеловеческое обоняние. Леший почти перестал выплевывать из раны черную жижу, но я все равно чувял его запах. Прямо по ветру и, похоже, уже совсем близко.

– Прошу, судари. – Геловани пинком распахнул ржавую калитку. – Вы видите что-нибудь?

– Увы, ваше сиятельство, – проворчал я, вода стволами «Холланда» из стороны в сторону. – И это меня, признаться, смущает.

Леший уже не просто попахивал болотной гнилью, а, можно сказать, вонял. Он точно прошел здесь. Не мимо церкви, конечно же, а чуть дальше, за оградой, и прошел совсем недавно, от силы минуту назад. С его габаритами чудовище запросто могло двигаться втрое быстрее нас, но явно не спешило удрать – скорее лишь временно отступало, заманивало...

Или даже пыталось разделить – интеллект у лешего явно был посolidнее, чем у тупого, прожорливого и медлительного упыря.

– Вот там! – Геловани пробежал с десяток шагов и уселся на корточки. – Следы. Видите, какие большие?

Чуть в стороне за дорожкой, ведущей к церкви, земля оказалась влажной. То ли размочла от недавних дождей, то ли здесь понемногу начиналось болото и почва впитывала влагу снизу. Под ногами пока еще не хлюпало, но ботинки все-таки провалились – и с каждым шагом все глубже. Леший наверняка весил втрое больше взрослого мужчины... но ступал как будто полегче.

– Идет на четвереньках, – догадался я. – Вот, посмотрите – помогает себе... руками.

Передние конечности чудища тоже оставляли следы, хоть и не такие заметные: по сторонам от основной «тропы» то и дело попадались неглубокие вмятины, иногда даже сохранявшие форму. Почти как от человеческой руки, разве что в несколько раз крупнее. Леший двигался как огромная обезьяна – на задних лапах, но порой для равновесия подключая все разом.

– Здоровый, зараза... – Я взглядом измерил расстояние между отпечатками на земле, в каждом из которых запросто поместились бы обе моих стопы. – Но идет медленно, не торопится и...

– Тихо! – Шагавший первым Дельви́г вдруг поднял вверх руку. – Там, впереди...

Я тут же наострил уши, ожидая услышать, как хлюпают по болоту огромные ножищи. Но нет, звук оказался куда тише. И совершенно другой: будто кто-то шкрябал по дереву здоровенной старой пилой... ну, или когтями.

На мгновение даже показалось, что там, среди ключев тумана, шагах этак в пятидесяти впереди мелькнул гигантский тощий силуэт – и тут же исчез за темными стволами. Я не стал стрелять: в штупере всего два патрона, и трагить один из них, когда леший совсем близко, – определенно не лучшая идея.

– Он там! – прошипел я, поднимая оружие. – Легче шаг, судари.

Кажется, получилось: даже Вольский перестал хрустеть ветками и сопеть на весь лес. Зато теперь мы двигались так медленно, что путь до ближайших деревьев занял чуть ли не целую вечность. Низина осталась позади, и ноги снова ступали по твердой земле, на которой леший уже не оставлял следов.

А потом пропала и вонь. Только что она чувствовалась яснее некуда, буквально забивая ноздри и глотку, – и вдруг исчезла. Порыв ветра принес лишь пряный аромат прошлогодней листвы и запахи сырости и дыма. И еще бензина – наверное, с дороги или от гаража в шува-ловской усадьбе.

– Он где-то тут. – Дельви́г остановился и принялся выцеливать туман впереди. – Я чувствую... Но не вижу!

В голосе его преподобия прорезались непривычные нотки. Не то чтобы панические, но изрядно похожие на те, что я слышал в тот день, когда нас обоих едва не загрызли упыри на Васильевском острове. Дельви́г явно нервничал, и остальные вместе с ним. Мне уже приходилось встречаться с лешим на Апраксином дворе, и я видел, на что он способен. При всех своих немалых габаритах и массе тварь перемещалась молниеносно, практически мгновенно – и так же быстро убивала, орудуя здоровенными лапами и пастью, полной зубов. Интеллект наверняка позволял ей и выслеживать добычу, и прятаться, скрываясь от опасности.

Но проваливаться сквозь землю леший определенно не умел.

И все-таки исчез. Мы стояли среди деревьев, ошетилившись оружием, но лишь бестолково водили стволами из стороны в сторону. Вокруг был только туман и ничего кроме – ни следов, ни запахов, ни даже малейшего звука. Только где-то вдалеке – кажется, за церковью – слышались голоса солдат.

– Что за?.. – Дельви́г дернулся, тряхнул головой и вдруг потянулся к лицу и снял очки. – Откуда?..

Я стоял в нескольких шагах, но все равно смог разглядеть на прозрачном стекле темную каплю. Она медленно сползала от оправы вниз, оставляя мутный след. Похоже, упала откуда-то...

– Сверху! – прошипел Геловани. И уже во весь голос заорал: – Берегись!!!

Реакция у его сиятельства оказалась, что надо: он опередил даже меня: не выпуская из рук карабина, бросился вперед, сгреб Дельви́га в охапку и рывком опрокинул, утаскивая в сторону.

За мгновение до того, как над нами мелькнула черная тень. Я вскинул штуцер и не целясь разрядил оба ствола в бесшумно несущегося к земле лешего. Раздался грохот, отдача едва не выбила оружие из моих рук – и уши тут же заложило...

И на этот раз не от выстрела, а от нечеловеческого вопля.

Хотя бы одна пуля точно угодила в цель, но остановить пикирующую с дерева трехсоткилограммовую тушу уже не смогла: леший перевернулся в воздухе, с визгом шлепнулся на землю, приложившись боком, но тут же снова задергался, поднимаясь на четвереньки. Геловани с Дельвигом еще копошились в стороне, я остался без патронов, так что отдуваться за всех пришлось Вольскому. Руки старика дрожали, однако он все-таки смог поднять тяжелый револьвер и нажать на спуск.

«Смит-Вессон» с грохотом выплюнул целый сноп пламени и подпрыгнул, едва не угодив курком в лоб горе-стрелку. Промахнуться по гигантской мишени с такого расстояния едва ли возможно, но очередная рана лишь еще больше разозлила и без того взбешенную тварь. Вряд ли даже леший обладал достаточным запасом прочности, чтобы пережить такие повреждения. В гигантском теле засели две пули, а то и все четыре, и некоторые запросто могли оставить сквозную дыру с мой кулак размером.

Чудище уже умирало – но, видимо, все-таки хотело забрать с собой хоть одного из нас.

Вольский не успел даже взвести курок. Тощая фигура, заросшая длинной зеленоватой шерстью, с утробным рычанием бросилась вперед и через мгновение смела несчастного старика, опрокидывая на землю. А тому оставалось только кричать и отбиваться, пытаясь отпихнуть нависающую сверху зубастую пасть.

Я не стал лезть под китель за браунингом – просто прыгнул вперед и, перехватив штуцер за стволы, ударил. С размаху, как дубиной. И покрытое золотым узором драгоценное ложе «Холланда» разлетелось в щепки, оставляя в моих руках согнутый кусок стали чуть меньше метра длиной. На лешего это подействовало примерно никак – разве что вынудило на мгновение отвлечься от Вольского и повернуть косматую голову в сторону назойливой помехи.

– Эй, ты! – заорал я, занося обломок штуцера. – Лови!

Второй удар не достиг цели: здоровенная туша перемещалась так быстро, что я едва успел увернуться от когтистой лапы. Однако в следующее мгновение леший уже бросился на меня и едва не сбил с ног, навалившись всем весом. Я рухнул на колени, кое-как перехватил искалеченный штуцер второй рукой и засунул прямо поперек пасти. Треугольные зубы скрежетали по металлу, с треском ломались, но пылающие злобой желтые глаза приближались.

Я не обращал внимания ни на крики, ни на рев, ни на смрад, исходивший из самого нутра лешего, ни даже на когти, способные одним движением выпустить мне кишки. Просто упирался изо всех сил, не давая опрокинуть себя на землю. Тощее тело гимназиста, заправленное мощью Таланта, выдавало за пределы для простого смертного показатели, но леший все равно понемногу продавливал. Поднялся, нависая сверху, опустил лапы мне на плечи, продирая китель, и...

– Эй, гимназист! – выдохнул мне в ухо сердитый голос. – А ну-ка посторонись!

Дельвиг просунул ствол винчестера мне между плечом и шеей, воткнул прямо в пасть лешему и нажал на спуск. Раздался грохот, и вовсе стороны полетело столько черной жижи, что я даже зажмурился. И, так и не открывая глаз, почувствовал, как тяжесть на плечах тает. Хватка когтистых лап сначала ослабла, а потом и вовсе исчезла, и поверженное чудовище с едва слышным ворчанием рухнуло на землю.

– Премного благодарен, ваше преподобие. – Я рукавом вытер грязь с лица. – Похоже, мы теперь в расчете.

– Господь милосердный, неужели мы все живы?

Обернувшись, я увидел Вольского. Его благородие профессор так и не поднялся на ноги – ползал на четвереньках и шарил по земле руками, подслеповато щурясь и пытаясь отыскать потерявшееся пенсне.

– Вы убили его? – дрожащим голосом поинтересовался он. – Оно... оно точно мертво?!

– Похоже на то, – буркнул Геловани, лязгая затвором. – Но я бы на месте Антона Сергеевича выстрелил еще разок-другой – на всякий случай.

Глава 8

Сражение закончилось – и мне оставалось только подняться на ноги и хотя бы попытаться привести в порядок одежду... да и себя в целом. И без того выдавший виды гимназический китель на этот раз, похоже, все-таки кончился насовсем. Ткань пострадала не так уж сильно, борозды от когтей лешего вполне можно было и заштопать, но черная жижа измазала все от ворота до полы и воняла так, что у меня не возникло ни малейшего желания проверить, можно ли ее отстирать.

Так что я просто стащил с плеч отслужившую свое одежду, скомкал и бросил на расprostертую на земле тушу лешего, оставшись в одной рубашке и наплечной кобуре с браунингом. Геловани проследил за мной взглядом, слегка приподнял бровь... но от замечаний все-таки воздержался.

– Вот, возьмите, Владимир, – сказал он, протягивая мне сложенный вчетверо платок. – Вытрите хотя бы лицо... и руки.

Примерно через полминуты белоснежная ткань превратилась в замызганную тряпицу и отправилась вслед за кителем, но теперь я хотя бы мог нормально открыть глаза, отряхнуться, не боясь загадить еще и брюки – и даже кое-как расчесать волосы относительно чистой пятерней.

И стоило мне закончить, как Вольский подскочил, вцепился и снова принялся трясти мою руку – пожалуй, даже посильнее, чем во время знакомства.

– Благодарю, благодарю вас, друг мой! – с жаром выпалил он. – Если бы не вы... Но какая отвага – броситься на это чудовище, можно сказать, безоружным... Еще немного – и я бы остался без головы!

– У вас отличная мускулатура. – Геловани изобразил усмешку, но его глаза смотрели как и раньше, серьезно и внимательно. – Немногие даже из Владеющих способны потягаться силой с лешим.

– Будем считать, что мне просто повезло, судари, – отмахнулся я. – На вашем месте я бы сейчас скорее интересовался, откуда эта образина вылезла. Ведь вся усадьба оцеплена солдатами.

– Посты стоят только на дорогах. – Геловани пожал плечами. – И поглядите на лес вокруг – даже если где-то там и ходят патрули, в таком тумане запросто пролезла бы хоть сотня леших.

– Наши люди умеют нести службу, ваше сиятельство. И к северу отсюда дежурит еще один капеллан. – Дельвиг недовольно сдвинул брови. – Владимир прав – леший не смог бы пробраться снаружи. Вероятно...

– Прорыв, – догадался я. – Где-то здесь для нашего покойного друга открылась дверца.

– И лучше бы отыскать ее раньше, чем здесь появятся еще... друзья. – Дельвиг перехватил винчестер одной рукой и полез в карман плаща за патронами. – Предлагаю еще немного прогуляться, судари.

– Не имею никаких возражений, – отозвался Геловани. – Да и туман как будто рассеивается.

Действительно: стоило нам прикончить лешего – и вокруг, как назло, стало куда яснее. То ли ветер наконец прогнал спустившееся к земле облако, то ли день уже полностью вступил в свои права и солнце принялось греть так, что понемногу высушивало всякую сырость. Белесые влажные клочья расплзались буквально на глазах, освобождая деревья, дорогу, усадьбу за ней – а потом и церковь примерно в полутора сотнях шагов за спинами Дельвига и Геловани.

Туман исчезал, сквозь свежую зелень крон стремительно пробивались солнечные лучи, отбрасывая тени... И часть этих теней двигалась.

– Господь милосердный, что это? – простонал Вольский. – Неужели опять?..

Я насчитал с пяток упырей, но за деревьями их могло быть и вдвое, и втрое больше. Видимо, Прорыв не ограничился одним лешим, а после основного «залпа» переключился на продукцию попроще – и принялся выплевывать зубастых обжор с промежутком примерно в полминуты... или даже чаще – судя по тому, сколько их успело собраться там, где мы не так давно прошли.

Где-то вдалеке загрохотали выстрелы – солдаты тоже разглядели упырей и принялись понемногу зачищать Парголовскую мызу. И нам оставалось только присоединиться.

– Такая охота мне определенно нравится больше. – Геловани поднял карабин и прищурил один глаз. – Вот тот, у березы, – мой.

Я не стал даже доставать браунинг, его сиятельство с Дельвигом прекрасно справлялись и без меня. Не прошло и пары минут, как они расстреляли чуть ли не все патроны, завалив низину около церкви зубастыми тушами. Отличился даже Вольский: лично уложил последнего уцелевшего упыря, с неожиданной ловкостью снеся тому голову с целых десяти шагов.

– Кажется, все. – Дельвиг дернул скобу, выбрасывая из винчестера последнюю гильзу. – Теперь смотрите по сторонам, судари. Прорыв должен быть где-то здесь.

Если моя теория с гамма-излучением верна, то прореха в бытие наверняка фонит куда сильнее и покойного лешего, и уж тем более упырей – а значит, внутренний «компас» Дельвига рано или поздно должен ее отыскать. Впрочем, даже если никакой радиации не было и в помине, из Прорыва буквально хлестала магическая энергия – и как раз ее-то я умел чувствовать не хуже бравого георгиевского капеллана...

Раньше умел. Сейчас способности понемногу возвращались, но им приходилось помогать самым обычным зрением. Оно вполне могло заметить рябь в воздухе куда раньше, чем сработает чуйка.

Но пока лес вокруг выглядел совершенно обыденно.

– Где-то рядом... – Дельвиг на мгновение прикрыл глаза. – Довольно большой, странно, что мы до сих пор его не видим.

Ничего. Самые обычные деревья, самая обычная дорога и усадьба вдалеке. Мертвые упыри – тоже самые обычные... насколько это вообще возможно. Высокий шпиль с крестом, храм, ограда, калитка, через которую мы прошли четверть часа назад, а прямо под ними...

– Что это?

Я вытянул руку, указывая на... Нет, дверь это определенно не было, да и зданием, пожалуй, тоже. Крохотная металлическая арка с заломом посередине, украшенная наполовину обвалившимся орнаментом, и прямо под ней – темный прямоугольный проем примерно в человеческий рост. Раньше здесь, видимо, бывали куда чаще, но теперь узенькая тропинка к проему почти целиком заросла кустами и молодыми деревьями. Рука человека когда-то превратила склон под церковной оградой в почти отвесную стену, а потом еще и добавила сверху каменные плиты и железо, но природа неумолимо брала свое, и странная конструкция понемногу уходила в землю. Покрывалась мхом, ржавела...

Стой я на десять шагов левее – и вовсе бы ничего не заметил.

– Ах, это... Если мне не изменяет память, перед нами могила Адольфа Полье. – Вольский шагнул вперед и слегка прищурился. – Француза... Второго мужа графини Варвары Петровны Шуваловой, вдовы Павла Андреевича – отца нынешнего хозяина Парголовской мызы. Склеп и церковь построил по заказу ее сиятельства...

– Прошу за мной, судари. – Я ускорил шаг. – Заглянем в гости к господину Полье. Там ведь открыто?

– Вероятно, – пробормотал Вольский. – То есть сама усыпальница, конечно же, замурована, но...

– Вот и отлично.

Я пока еще ничего не чувствовал – сработала интуиция. Но чем ближе мы подходили к заросшей зеленым мхом арке, тем сильнее вибрировал эфир. И когда Дельвиг зажег на ладони свой волшебный огонек, освещая темное и холодное нутро склепа, я понял, что все-таки не ошибся.

Воздух у дальней стены рябил и как будто даже переливался едва заметной радужкой.

– Вот он. – Я едва успел поймать за локоть бестолково шагнувшего вперед Вольского. – Осторожнее, Петр Николаевич. – Прорыв может быть опасен.

Интересно, кто-нибудь вообще пробовал туда забраться и хоть одним глазком глянуть на *ту* сторону?..

– Bravo, bravo. – Геловани зажал карабин под мышкой и несколько раз хлопнул в ладоши. – Должен признать, Антон Сергеевич, ваш протеже сумел меня удивить – и уже не раз... Скажите, Владимир, вы не думали о карьере в сыске?

– Давайте поговорим об этом позже, ваше сиятельство, – буркнул Дельвиг, протягивая мне винчестер. – Я закрою Прорыв. А вы, судари, – поглядите, чтобы никто оттуда не вылез.

Не прошло и полминуты, как неровные края начали стягиваться – дыра в бытии зарастала буквально на глазах. Дельвиг орудовал невидимой иглой так ловко и быстро, что Вольский, похоже, потерял дар речи от восхищения – просто стоял и пялился с открытым ртом, не издавая ни звука. Сам я тоже засмотрелся, хоть уже и видел работу георгиевского капеллана.

А вот для Геловани подобное, судя по всему, было делом совершенно обыденным.

– Должен принести свои извинения, Владимир, – негромко произнес он. – Признаться, я и подумать не мог, что вы так нам поможете. Сам бы я, пожалуй, и вовсе не догадался бы искать здесь. Удивительно, как Прорыв возник именно в таком...

– Напротив – ничего удивительного! – встрял Вольский. – Если память мне не изменяет, подобное... подобные явления нередко появляются на кладбищах. А склеп, если разобраться, – почти то же самое. Место, где сильна власть того, что противно всему сущему, – и потому особенно пригодное для любого темного колдовства и...

– Разве не вы полчаса назад говорили, что все это не более чем суеверия? – Геловани усмехнулся и покачал головой. – Разве скандинавские проклятья отличаются от таких вот... баек? Мракобесие – удел недалеких умов, Петр Николаевич.

– Мракобесие?! Ваше сиятельство изволит обвинять меня в обскурантизме? – Вольский сверкнул глазами, но тут же устало выдохнул. – Впрочем, я уже и сам не знаю, что думать... Всего несколько лет назад и Прорывы для всех нас были всего лишь легендами. Историей прошлых веков, в которой порой куда больше вымысла, чем истины. И я сам бы лишь посмеялся – вздумай кто-то сказать, что уже скоро подобное появится снова.

– У меня и в мыслях не было смеяться над вами, – мягко ответил Геловани. – Но все же стоит различать реальность, как бы сурова и удивительна она ни была, – и всякие небылицы... А вы что скажете, Владимир?

– Пожалуй, предпочту промолчать. – Я пожал плечами. – Но уж если ваше сиятельство настаивает – то я скорее склонен думать, что человеку образованному не следует отвергать даже самые немислимые гипотезы. В конце концов, отсутствие научного обоснования... временное отсутствие, конечно же, никак не может ставить под сомнения сам факт. Особенно свершившийся неоднократно. А Прорывы действительно куда чаще возникают на кладбищах – какова бы ни была тому причина.

– Слова не мальчика, но мужа, – улыбнулся Геловани. – Впрочем, достаточно разговоров, судари. Его преподобие Антон Сергеевич уже закончил работу – самое время вернуться обратно к нашим... делам.

Никаких возражений не последовало, и через пару минут мы вышли на дорогу. Дельвиг шагнул первым, за ним – Геловани с карабином на плече. Я чуть отстал: сказала старая при-

вычка напоследок еще раз оглядеться по сторонам... да и вообще прикрывать тылы на случай непредвиденных обстоятельств.

– Подождите, друг мой. – Вольский догнал меня и неуклюже схватил под локоть. – Вы ведь не будете возражать, если я обопрюсь на вас? Мне... мне тяжело идти. А уж после того, что мы все только что пережили...

– Как пожелаете, Петр Николаевич, – вздохнул я, чуть замедляя шаг. – Вам нездоровится?

– Нет-нет, я в добром здравии. И в своем уме! – Вольский сердито засопел. – Хоть его сиятельство Виктор Давидович, похоже, и считает иначе.

– Не думаю. И он уж точно ничуть не желал вас обидеть.

– Может, и так. Как бы то ни было – я должен еще раз благодарить вас, друг мой. – Вольский виновато улыбнулся и чуть ослабил хватку на моей руке. – Заступиться за старика, не дать выставить меня выжившим из ума дураком – достойный поступок. И я...

Дальше я почти не слушал – только молча кивал и изредка поддакивал, пока мы не добрались обратно до гостиной, откуда уходили на охоту за лешим. Странно, но в здании как будто стало чуть холоднее, хоть утро уже окончательно сменилось днем. Видимо, дело было в распахнутом настежь окне – от него изрядно сквозило.

Но прочее ничуть не изменилось. Все так же поскрипывали половицы под ногами. Все так же возвышались над нами шкафы из темного дерева, все так же поблескивал в полумраке лак на мебели. Все так же пахло слегка отсыревшей бумагой, все так же стояли кресла и диван у растопленного камина. И все так же играли отблески пламени на гладкой столешнице.

Вот только нитсшеста на ней уже не было.

Глава 9

– Захар!!!

От грозного крика Дельвига вздрогнули не только стекла в окнах, но и, кажется, даже пол. Неудивительно, что денщик явился на зов господина чуть ли не мгновенно: буквально пролетел сначала на веранду, а потом, громыхая ботинками, – в гостиную.

– Звали, ваше преподобие?!

– Да уж конечно звал, – мрачно буркнул Дельвиг. – Сюда кто-нибудь заходил?

– Не было такого... Ну, то есть – только мы с Владимиром Петровичем да гости ваши. – Захар развел руками. – Ну и, может, из караульных кто, мало ли какая нужда была... А что стряслось?

– Ничего. – Геловани шагнул вперед. – А ты видел поблизости чужих? Кого-нибудь из прислуги, местных?..

– Никак нет, ваше сиятельство, не видел. – Захар подобрался, виновато втягивая голову в плечи. – Да и откуда мне было?.. Я ж, как снаружи стрелять начали, – сразу в машину за наганом и бегом к нашим. Читайте, всем взводом лешака этого ловили, да только вы без нас управились.

По всему выходило, что караульные дружно оставили пост, как только в лесу заметили незваного гостя... Впрочем, неудивительно – их послали сюда отстреливать чудищ и охранять его преподобие капеллана, а не дом посреди леса. Да и вряд ли хоть кто-то из бравых вояк мог сообразить, что случится... такое.

А вот Геловани, похоже, думал иначе – поэтому и не стал тратить времени на болтовню и направился к распахнутому окну.

– В таком тумане кто хочешь подойдет. – Его сиятельство уперся ладонями в боковины рамы и выглянул наружу. – Вот здесь и залез наш голубчик.

– Или вылез, – поправил я. – У дома чуть ли не полчаса не было охраны, дверь мы не закрывали. Мог зайти и через веранду... А потом услышал шаги – и в окно.

– Разумно. – Геловани кивнул и тут же, прищурившись, принялся разглядывать лес снаружи. – Значит, вот только удрал, получается... Не видать кого?

Туман уже почти рассеялся, но буквально в полусотне шагов от дома молодые деревья росли так густо, что неведомый злоумышленник мог спрятаться буквально у нас под носом – но, скорее, предпочел удрать подбру-поздорову. Запах я чувствовал, и не один, однако все они запросто могли принадлежать кому угодно – от самого Дельвига до рядовых солдат или какой-нибудь местной прислуги.

Следы... Нет, похоже, здесь тоже тупик. Я прямо отсюда разглядел с полдюжины отпечатков, а спустившись, наверняка нашел бы втрое больше, но все их явно оставили караульные. Прямо под окном не было ничего интересного, да и дальше тоже: хитрый воришка то ли сумел пройти весь двор и махнуть через ограду, не наломав веток и не смяв траву, то ли...

Впрочем, я на его месте свернул бы за угол дома и вышел к дороге: утоптаный и раскатанный колесами телег и автомобилей грунт не сохранит ни следов, ни даже запахов – их с легкостью перебьют бензин и конский навоз.

– Не вижу... Подвиньтесь, судари! – Дельвиг бесцеремонно растолкал нас плечами и свесился за окно чуть ли не по пояс. – Кто бы сюда не забрался – времени удрать у него было предостаточно.

– И все-таки я настоятельно советую отправить людей прочесать лес, – вздохнул Геловани. И чуть тише добавил: – К тому же будет не лишним избавиться от... лишних ушей.

– Надеюсь, ваше сиятельство не имеет в виду меня! – сердито пропыхтел Вольский у меня за спиной. – Кто-нибудь объяснит, что здесь вообще происходит?!

– Боюсь, все объяснения придется оставить на потом. – Дельви́г развернулся и зашагал к двери. – У меня не так много времени, чтобы тратить его на какой-то... мусор. У нас с Владимиром еще есть дела.

– К чему такая спешка, ваше преподобие? – усмехнулся Геловани.

– Просто не вижу смысла здесь оставаться. Но вы, конечно же, займитесь поисками. Я велю солдатам оказывать вашему сиятельству всякое возможное содействие. – Дельви́г повернулся ко мне. – А ты – умойся, найди в шкафу какую-нибудь куртку – и в машину, пулей!

После того что я сегодня сделал, его преподобие мог бы быть и повежливее – но, видимо, у столь внезапного и спешного побега из дома имелись свои причины. И мне не терпелось их узнать, так что буквально через несколько минут я уже устраивался на пассажирском сиденье, по пути позаимствовав у почтенного Георга Егоровича пиджак.

До самого поворота к Петербургу мы ехали молча, но когда машина наконец выбралась на асфальт, я все-таки решился заговорить.

– Нитшест, который украли, – мусор? Вы действительно так думаете?

– Конечно же нет! – раздраженно отозвался Дельви́г. – Но я не собираюсь делиться соображениями с посторонними. Особенно теперь.

– Вот как? – Я чуть сполз вперед, устраиваясь поудобнее. – Вы не доверяете этим... гостям? Или своим людям?

– Я не доверяю вообще никому. – Дельви́г убрал левую руку с руля и потер заросший жиденькой светлой щетиной подбородок. – И тем двоим – особенно. Князя Геловани подсунули нам из полицейского ведомства. И он мало того, что не потрудился объяснить, из какого именно отделения и для чего, так еще и притащил с собой этого старикашку!

– Вообще никому... – задумчиво повторил я. И все-таки не удержался от шпильки: – А мне?

Дельви́г повернулся в мою сторону, и в салоне автомобиля ощутимо похолодало. Вопрос действительно получился дурацкий, и я уже было подумал, что ответом на него будет только фирменный взгляд сквозь стекла очков, но, видимо, его преподобие оказался не в таком уж и паршивом настроении духа – и поэтому даже потрудился объяснить.

– Ты, гимназист, в каждой бочке затычка, – усмехнулся он. – Вечно куда-то лезешь, дерешься, спасаешь всех подряд... А значит, или человек редкого благородства, или просто дурак. И то и другое с подлостью, знаешь ли, не вяжется.

– Убедительно, – кивнул я. – И справедливо. Кстати, если вас интересует, – я нитшест не брал.

– Не сомневаюсь. И – нет, не интересует. Да и остальные, если подумать... – Дельви́г нервно побарабанил по рулю большими пальцами. – Нравится мне это, или нет – без Геловани, похоже, не обойтись.

– Почему? – удивился я. – Вот уж не думал, что Ордену не хватает людей... или дело в полномочиях?

– И в них тоже. Если слухи не врут – его сиятельство лучший сыскарь во всем Петербурге, а то во всей России. У него изрядный опыт самых необычных расследований. А мы... – Дельви́г протяжно вздохнул. – Меня учили убивать чудовищ и закрывать Прорывы, а не гоняться за людьми.

Звучало разумно. В самом деле – рядовые вояки и грозные георгиевские капелланы представляли собой немалую силу. Полномочия Ордена наверняка простирались так далеко, что я не мог даже догадываться об их истинном пределе. Да и есть ли он вообще?

И все это годами служило лишь одной цели: защищать империю от вполне осязаемого, конкретного, зубастого и когтистого Зла. Упыри, жабы, лешие и прочая нечисть то и дело вылезали из Прорывов, порой жрали людей – но жили в этом мире недолго. Обычно до того

самого момента, как на шум являлись армейские грузовики, под завязку набитые солдатами с пурпурными погонами.

Но на этот раз Зло действовало тайно – и потусторонние твари были лишь орудием в руках того, кто соорудил нитшест. Таинственный кукловод не только прятался за кулисами, но и явно умел вовремя обрезать ниточки у сломанных марионеток... Неудивительно, что его преподобие чувствовал себя беспомощным – настолько, что его на мгновение даже захотелось пожалеть.

– Ну... – проговорил я. – Зато мы убили лешего. Вы убили.

– Это, безусловно, изрядное достижение. – Дельвиг, похоже, принял мое сочувствие за издевку. – Но в дом забрался уж точно не леший – это дело рук человека.

– Разумеется, человека. – Возразить мне было, в общем, нечего. – Возможно, того же самого, кто оставил нитшест в подвале на Васильевском.

– Верно мыслишь, гимназист, – вздохнул Дельвиг. – В подвале – и там, откуда я забрал второй. Тот самый, который ты видел час назад.

– И где же? – Я тут же наострил уши. – Вы сами нашли или?..

– Не знаю, стоит ли вообще тебе рассказывать. – Дельвиг скосился на меня, мрачно вздохнул, но все-таки продолжил: – Впрочем, какой уж там секрет, если все столичные газеты пишут... В общем, третьего дня в сад дворца князя Юсупова забралась жаба. Убила двух человек из прислуги, едва не загрызла хозяйку – к счастью, Николай Борисович подоспел вовремя... Он, конечно, в годах – но Талант еще не утратил.

Меня так и подмывало спросить, как именно старый князь то ли прогнал, то ли вообще убил огромную хищную тварь, которой были нипочем пули из нагана. Но, разумеется, я промолчал: особые способности Владеющего рода Юсуповых к делу определенно не относились.

– А к утру их сиятельства пережили целое нашествие упырей. Сразу четыре Прорыва неподалеку, – продолжил Дельвиг. – И виной всему тому, как ты догадываешься...

– Нитшест, который вы нашли в саду, – закончил я. – И который явно попал туда не сам по себе. Кто-то из прислуги, может, посыльные. Или даже родственники. Или...

– Или кто угодно из примерно двух сотен гостей бала, который как раз случился у Юсуповых вечером перед... В общем, ты понимаешь. – Дельвиг поморщился, будто ему на язык вдруг попало что-то кислое. – Ситуация, мягко говоря, непростая.

– Титулованная знать, – кивнул я. – Высший свет столичного общества. И если кто-то из них и правда замешан, значит...

– Именно так, гимназист. – Дельвиг строго сдвинул брови. – И поэтому я настоятельно прошу тебя держать язык за зубами. А это значит – никому. Ни друзьям, ни Геловани с Вольским, ни даже самому государю императору.

– Так точно – никому. – Я шутливо изобразил воинское приветствие, приложив кончики пальцев к виску. – Так, значит, мы сейчас к Юсуповым?

– Нет. Не к Юсуповым. – Дельвиг улыбнулся одними уголками рта. – Но там тоже пригодятся... твои особые таланты.

– Еще один нитшест, третий? – Я на мгновение задумался. – Или?..

– Можешь не гадать, гимназист. Мы уже приехали.

Последнее, что я успел заметить, – как мы махнули через два моста, в одно мгновение пролетев Каменный остров. Дельвиг, как и всегда, гнал во весь опор, но теперь замедлил ход, свернул с проспекта направо и уже без спешки покатился по аллее сквозь небольшой сквер – прямо к двухэтажному белому особняку.

Где нас уже, похоже, ждали: не успел я выбраться из машины, как невысокая темноволосая девушка сама поспешила нам навстречу.

– Доброго дня! – Дельвиг захлопнул дверцу и поклонился. – Позвольте представить – мой товарищ и протеже Владимир Волков. А это...

– Ее сиятельство княжна Екатерина Петровна Вяземская, – улыбнулся я. – Нам уже приходилось встречаться – и в последнее время на удивление часто.

Глава 10

– Вот как? – Дельвиг посмотрел на меня поверх очков. – Что ж, в таком случае, не будем тратить времени на лишние разговоры. Мы с Владимиром полностью к вашим услугам, Катерина Петровна.

Его преподобие явно удивился, что мы с Вяземской уже встречались, но расспрашивать, понятное дело, не стал. А уж самой ей, похоже, и вовсе не было до меня особого дела: за бело-снежными стенами особняка на Каменноостровском определенно скрывалось что-то поважнее странного гимназиста, который водил знакомство с георгиевским капелланом.

– Я с самого утра вас жду, Антон Сергеевич. Папенька совсем плох стал – мы уже не знаем, что делать... На вас одна надежда!

Вяземская схватила Дельвига под руку и как будто даже прибавила шагу, утаскивая его преподобие сначала к двери, а потом дальше, вверх по лестнице. Мне оставалось только идти следом, оглядываясь по сторонам.

Впрочем, на полноценное изучение интерьеров особняка времени оказалось маловато. Хотя и нескольких мгновений пути до второго этажа хватило понять, что мы приехали в гости к наследнице княжеской фамилии: мрамора и позолоты было не столько, чтобы внутреннее убранство дома скатывалось в безвкусицу и избыточный столичный лоск, но все же достаточно... Не для родового гнезда, конечно же. Наверняка у Вяземских имелась полноценная загородная усадьба, а то и еще пара-тройка резиденций прямо в Петербурге – побольше и побогаче.

Но этот особняк, похоже, принадлежал лично ее сиятельству княжне.

– Сегодня почти не спал... и я тоже, – продолжала вполголоса рассказывать Вяземская, шагая по коридору. – Талант исцеления у нас в крови, но с таким не справился ни сам отец, ни Дмитрий Петрович, ни...

– Ваш брат? – уточнил Дельвиг. – Старший из троих?

– Да! – Вяземская тихонько шмыгнула носом. – Отец и сам еще в силе... был – а сейчас уже и не говорит почти. Я одна с ним сижу, а другие и не верят, что встанет. Надежда Петровна говорит – время ему пришло.

– Не имею ни малейшего намерения огорчить ваше сиятельство, – Дельвиг чуть замедлил шаг, – но родовой Талант обычно сильнее всего развит у старшего сына. И если уж сам Дмитрий Петрович...

– Но вы же обещали помочь! – Вяземская едва не сорвалась на крик. – Сказали, что уже видели подобное и знаете, как с этим справиться!

– Увы, этого порой недостаточно. И все же я... то есть мы, – Дельвиг вывернул шею и взглянул на меня, – сделаем все, что в наших силах.

– Да, конечно же... простите, Антон Сергеевич. – Вяземская подобралась и продолжила уже тише: – Прошу вас, судари, проходите. Только постарайтесь не шуметь, у отца безумно болит голова.

Дверь справа приоткрылась, мы прошли в комнату – и будто попали в чулан. После коридора темнота показалась почти осязаемой. Черной и такой густой, что я едва заметил щель между штор – единственный источник, который давал хоть какие-то крохи света. Впрочем, в отличие от остальных, мне хватало и его, и когда глаза привыкли и «перекинулись» в звериные, я разглядел сначала потолок со стенами, а потом и контуры мебели – пару стульев, круглый столик, здоровенный шкаф слева от окна, тумбочку...

И кровать – широкую, явно рассчитанную на двоих. Впрочем, наверняка других в особняке Вяземской не было и вовсе – разве что для прислуги. А отец, похоже, занял одну из гостевых комнат. Просторную, но без особого убранства. В самый раз для тех, кто по каким-то

причинам останавливается у княжны на несколько дней – и, конечно же, волен пользоваться всеми благами особняка и распоряжаться местными горничными, лакеями...

Но больному князю уж точно было не до этого. Конечно, за ним исправно ухаживали – скорее всего, сама дочь, лично, – и в комнате вовремя убирались и проветривали. Обычный человек вряд ли смог бы почуять хоть что-то, но от моего обоняния остатки запахов все-таки не скрылись.

Его сиятельство сам уже не мог дойти до уборной и, похоже, не первый день пользовался ночной вазой.

– Папенька... Петр Андреевич! – негромко позвала Вяземская. – К вам пришли. Надо зажечь свет.

– Зажигай, Катюша, зажигай. Доброго дня судари. Извините, что не могу приветствовать вас, как подобает.

Неудивительно. Даже слова давались князю не без труда, а уж подняться наверняка и вовсе было куда выше его сил. Я пока еще не разглядел черты лица, но голос определенно принадлежал человеку немолодому – и вдобавок измученному болезнью.

Вяземская зажгла ночник и сразу отодвинула его подальше от кровати. Не помогло – старый князь все равно застонал и прикрыл глаза рукой.

Но я все-таки успел увидеть лицо – вытянутое, тяжелое, будто слегка обвисшее от возраста, с полными губами, широким мясистым носом и крупными мочками ушей. Наверняка его сиятельство и в молодости не слыл красавцем, а к своим шестидесяти-семидесяти годам сохранил разве что породу, так что эффектной внешностью Вяземская явно была обязана матери. Над закрывавшей глаза ладонью возвышался огромный лоб с залысинами, но на макушке и по бокам волосы еще остались – и даже не все успели поседеть.

Когда-то князь был весьма рослым и крупным мужчиной, и с годами не утратил стати. Болезнь еще не иссушила его окончательно: видимо, Талант целителя и забота дочери справились не так уж плохо. Отчаянно сражались, тратя целую прорву сил, – и сохраняли жизнь, даже когда простой смертный наверняка уже отправился бы к праотцам.

Захар сгорел за какие-то несколько часов и погиб бы, не явись я вовремя. А здесь, похоже, прошла чуть ли не неделя.

– Видишь? Прямо как в тот раз. – Дельвиг осторожно взял полумертвую руку за запястье и положил чуть выше на одеяло. – Сможешь справиться?

Действительно, то же самое... почти. Колдовство нитшеста заставляло беднягу-денщика буквально гнить заживо, но здесь с ним в схватку вступил родовой Талант. Я мог только догадываться, сколько чудодейственной энергии потратила Вяземская, чтобы дать мышцам и коже сил для регенерации. Она даже смогла остановить черноту чуть ниже локтя и сохранить ногти на руке – да и в целом старый князь выглядел куда лучше Захара, хоть и страдал уже не первый день.

Однако родовая сила Владеющих лишь отсрочила неизбежное: Вяземская отчаянно латала пробоины, связывала надломленный остов воедино, не давая развалиться на части, но вода уже заполнила трюм и готовилась вот-вот хлынуть на нижние палубы, снося переборки.

Старый корабль умирал – и дело было не только в недостатке сил или повреждениях тела. Если запущенное проклятие уже добралось до энергетических центров – того, что обычно называют душой, – обратно их уже не восстановить. Такое не лечится, и, даже убрав чужое колдовство полностью, Вяземского я не спасу. Конечно, родовой Талант продержится еще сколько-то. Месяц, два, три... полгода – при регулярной и обильной подпитке извне. Но потом старик все равно умрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.